Ксения Светлая

Озёрный дом

Пусть думает, что я просто передумала.

Ксения Светлая

Озерный дом

«Автор»
2026

Светлая К.

Озерный дом / К. Светлая — «Автор», 2026

Двадцать четыре года назад Марина не пришла на вокзал. Андрей так и не узнал почему.В сорок три, после измены мужа, Марина едет к озеру, где ей досталась тётина гостиница. Она рассчитывает управиться за три-четыре дня: осмотреть комнаты, разобраться с протекающей крышей и решить, продавать ли дом. Наутро у крыльца появляется Андрей. На лестнице он по привычке пригибается под низкой притолокой, и Марина ловит себя на том, что до сих пор помнит его привычки.Она остаётся и берётся за ремонт. Разбирая тётины вещи, Марина находит письмо, которое сама написала после того несостоявшегося отъезда. Последнюю строчку она успела забыть: «Пусть думает, что я просто передумала».Теперь Марина знает, что хочет открыть гостиницу. Куда труднее решить, готова ли она снова впустить Андрея в свою жизнь, если для этого придётся первой заговорить о том, что случилось тогда.

© Светлая К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Остывший кофе 5
Глава 2. Двадцать два года 11
Глава 3. Дочь 20
Глава 4. Женщина, которой я была 29
Глава 5. Не выноси сор из избы 39
Глава 6. Наследство 50
Глава 7. Город у озера 62
Конец ознакомительного фрагмента. 76

Ксения Светлая
Озерный дом

Глава 1. Остывший кофе

В последний четверг октября Марина купила две груши, хотя Виктор давно перестал их есть.

Она заметила это уже дома, когда выкладывала покупки на кухонный стол. Груши были крупные, тяжелые, с коричневыми пятнышками возле черенков, именно такие, какие когда-то любил муж. Он разрезал их на четыре части, вынимал сердцевину коротким кухонным ножом и оставлял кожуру на краю тарелки.

В последние годы Виктор завтракал кофе, иногда съедал тост и уходил. Фрукты лежали, пока Марина не замечала, что они начали портиться.

Она подержала одну грушу в ладонях, провела большим пальцем по шершавому пятнышку возле черенка и положила её в вазу к яблокам.

В доме было тихо. С улицы доносился глухой шум машин, на подоконнике остывал кофе. Марина сняла пальто, повесила на плечики и заметила, что у правого рукава разошлась подкладка. Ничего страшного, всего на пару сантиметров. В ателье такая работа заняла бы несколько минут.

Она подумала, что нужно не забыть.

Потом открыла холодильник и стала решать, что приготовить на ужин.

Виктор обещал вернуться к восьми.

В половине девятого он прислал сообщение: задерживается, совещание.

Марина коротко ответила «хорошо» и убрала телефон.

Она не удивилась. В последнее время совещания случались часто, особенно по четвергам. Иногда Виктор возвращался в десять, иногда ближе к полуночи. Марина оставляла ему ужин, убирала со стола, читала перед сном. Сначала спрашивала, как прошел день, потом перестала: муж отвечал односложно, с усталой досадой, словно ее интерес требовал от него еще одного отчета.

Постепенно вопрос сам перестал приходить ей в голову. Это и было самым странным: раньше она непременно заметила бы такую перемену.

В тот вечер Марина собиралась закончить заказ для постоянной клиентки. Светло-серое платье висело в её маленькой рабочей комнате на манекене, заколотое вдоль бокового шва. Клиентка похудела после тяжёлой болезни и хотела надеть платье на юбилей мужа. Сама она говорила об этом весело, даже вызывающе, но на примерке долго разглядывала своё отражение, осторожно касаясь выпиравших ключиц.

Марина тогда предложила немного изменить вырез.

— Не надо, — сказала женщина. — Пусть видно будет. Я ведь всё-таки выбралась.

Теперь Марина вспоминала её слова, распарывая старый шов.

В половине десятого позвонила Соня.

Дочь рассказывала про университет, преподавательницу, которая уже третью неделю не возвращала проверенные работы, и про подругу Алису, решившую съехать от своего молодого человека. Марина слушала, прижимая телефон плечом, и осторожно вытягивала намётку из ткани.

— Мам, ты меня вообще слушаешь?

— Алиса съезжает. Потому что он опять взял у неё деньги и не вернул.

— Нет. Не поэтому. Потому что он сказал, что она слишком много требует.

— А разве дело не в деньгах?

— Дело в том, что она больше не хочет с ним жить.

Марина положила ножницы.

— Ну, это серьёзное решение. Может быть, им стоит спокойно поговорить.

На другом конце провода послышался вздох.

— Мам. Они два года спокойно разговаривают.

Марина усмехнулась.

— Хорошо. Не буду вмешиваться.

— Ты всегда так говоришь, а потом всё равно пытаешься всех помирить.

Соня сказала это без злобы, почти ласково, и тут же заговорила о другом.

Но Марина ещё некоторое время думала о её замечании.

Когда разговор закончился, она подошла к окну. На стекле отражалась комната: лампа над рабочим столом, платье на манекене, женщина в тёмных брюках и старом домашнем кардигане. Марина машинально пригладила волосы.

Когда-то ей казалось, что к сорока годам она обязательно станет носить их коротко. Так говорила мать: после сорока длинные волосы редко кому идут. Но Марина до сих пор собирала тёмные пряди в низкий узел на затылке. Иногда Соня просила распустить — говорила, что так ей красивее.

За окном шёл дождь.

Марина вернулась к платью.

В одиннадцать семнадцать она услышала ключ в замке.

Виктор вошёл осторожно, стараясь не шуметь. Это была одна из его старых привычек. Когда Соня была маленькой, он возвращался поздно и всегда придерживал входную дверь, чтобы та не щёлкнула слишком громко. Девочка спала чутко, просыпалась от любого звука, и Виктор, каким бы уставшим ни был, первым делом заглядывал в детскую.

Марина вдруг очень ясно вспомнила его молодым: мокрые волосы после душа, дешёвую домашнюю футболку, Соню на руках. Он стоял посреди кухни и шептал, что ребёнок никак не засыпает, а сам выглядел таким счастливым, что Марине хотелось обнять сразу обоих.

Это воспоминание возникло без всякой причины, пока она слушала, как муж снимает обувь.

— Ты не спишь? — спросил он из прихожей.

— Нет.

Виктор заглянул в рабочую комнату.

На нём было тёмно-синее пальто, купленное весной. Хорошая ткань, английский воротник. Марина сама выбирала его вместе с ним. Сейчас верхняя пуговица была расстёгнута, шарф небрежно свисал с плеча.

— Опять за работой?

— Нужно к завтрашнему дню.

— Ты хоть отдыхай иногда.

Он сказал это привычным тоном, уже поворачиваясь к двери.

Марина посмотрела ему вслед.

В последнее время Виктор стал внимательнее к своей одежде. Раньше не замечал, если рубашка была немного помята или ботинки требовали чистки. Теперь покупал дорогие средства для обуви, сам гладил воротнички, несколько раз менял парфюм.

Марина приписывала это новому положению в компании. Виктору недавно предложили более ответственную должность, он стал чаще встречаться с партнёрами. Она радовалась за него, хотя иногда ей казалось, что дома он остаётся только той частью себя, которая устала от всего остального.

На кухне зашумела вода.

Марина вынула последнюю булавку и отнесла платье к швейной машине.

— Будешь ужинать? — спросила она.

— Нет, мы поели.

Она остановилась с платьем в руках.

Почему-то ей захотелось спросить, с кем именно.

Но в этом не было ничего необычного. Коллеги, партнёры, начальство. Виктор мог поужинать с кем угодно.

— Тогда я уберу.

— Конечно. Спасибо.

Он вошёл в ванную.

На кухонном столе стояла тарелка с запеченной рыбой. Марина приготовила ее около семи, потом разогрела, а потом снова поставила в духовку. Картофель подсох по краям, лимон потемнел.

Она накрыла тарелку пленкой и убрала в холодильник.

В раковине стояла одна чашка.

Марина вымыла ее, вытерла столешницу и выключила свет.

О другой женщине она узнала в субботу.

Утром Виктор собирался на встречу с клиентом. Было немного теплее, чем накануне, дождь прекратился, но на дворе все еще лежали тяжелые мокрые листья.

Марина стояла перед зеркалом в спальне и застегивала серьгу. Вечером они собирались к её матери, которая уже дважды звонила, чтобы уточнить, не забыли ли они.

Виктор искал часы.

Он открыл ящик комода, потом шкаф, перебрал бумаги на тумбочке.

— Марин, ты не видела серебряные? На кожаном ремешке.

— Посмотри в маленькой коробочке возле зеркала.

— Там нет.

Она сняла вторую серьгу, подошла к комоду и нашла часы под стопкой квитанций.

— Вот.

— Спасибо. Я совсем стал рассеянным.

Он улыбнулся, взял часы и надел их, глядя не на жену, а в зеркало за ее плечом.

Марина заметила на воротнике его рубашки тонкий светлый волосок.

Не ее.

У нее были темные волосы, как и у Сони. Волос был длинный, почти белокурый, зацепился за верхнюю пуговицу.

Марина протянула руку и сняла его.

Виктор посмотрел вниз.

— Что?

— Волос.

Она хотела бросить его в корзину, но почему-то оставила между пальцами.

Муж уже застегивал часы.

— Наверное, в машине от кого-то.

— Наверное.

Она сказала это совершенно спокойно.

Виктор поцеловал её в щёку, взял телефон и вышел.

Марина осталась посреди спальни.

Всё ещё держа волос.

Потом разжала пальцы, стряхнула его на пол и почувствовала досаду на себя. В таком возрасте смешно подозревать мужа из-за случайного волоса. Можно подцепить его где угодно: в офисе, лифте, такси.

Она вернулась к зеркалу.

Серьга лежала на комоде, маленькая золотая капля. Марина несколько раз пыталась продеть тонкий штифт в прокол, но никак не попадала.

Пришлось сесть.

Она просидела так минут десять, рассматривая собственные руки.

Виктор больше не оставлял телефон на кухне. Раньше он мог попросить ее прочитать сообщение, пока сам был за рулем. Теперь, даже уходя в душ, он брал его с собой.

Он перестал предлагать ей поездки на выходные, хотя раньше они любили выбираться за город.

По вечерам он часто казался веселым, но эта веселость исчезала, как только он переступал порог квартиры.

И еще был один разговор в августе.

Тогда Марина собиралась закрыть ателье на неделю и предложила съездить вдвоем на море. Соня уже давно путешествовала одна, родительские обязанности стали легче, и Марине захотелось впервые за много лет провести с мужем несколько дней без расписания.

Виктор отреагировал раздраженно.

— Марин, ну какое море? Ты же понимаешь, что у меня сейчас на работе.

Она извинилась.

Хотя потом, лежа ночью без сна, никак не могла понять, за что именно.

В субботу около четырёх часов Марине позвонила незнакомая женщина.

Голос у нее был негромкий, немного хрипловатый.

— Марина Сергеевна?

— Да, слушаю.

— Извините, что беспокою. Меня зовут Ольга. Нам нужно поговорить о Викторе.

Марина стояла у кухонного окна. С улицы доносился звук детского велосипеда, во дворе кто-то смеялся.

Она сразу все поняла.

— Я вас слушаю.

Ольга помолчала.

— Не знаю, как лучше сказать.

Марина перевела взгляд на вазу с фруктами. Одна из груш начала темнеть у черенка.

— Говорите как есть.

Выяснилось, что отношения длились восемь месяцев.

Ольга работала в компании, с которой сотрудничал Виктор. Они познакомились на деловой встрече. Сначала просто разговаривали, потом стали встречаться.

Ольга знала, что он женат.

Эту подробность она сообщила сама, словно хотела заранее отказаться от удобной роли обманутой женщины.

Марина слушала, не перебивая.

Несколько раз Ольга спрашивала, слышно ли ее.

— Да, — отвечала Марина.

Она узнала, что Виктор обещал развестись. Что говорил о давно закончившемся браке. Что уверял: они с женой живут почти как соседи и расставание остаётся только вопросом времени.

Марина смотрела на кухню.

Чистая плита. Полотенце с вышитыми синими цветами. Купленная вчера баночка мёда, который Виктор любил добавлять в чай зимой.

Ей вдруг стало интересно, рассказывал ли он Ольге про этот мёд.

Какие вообще подробности их домашней жизни попадали в чужие разговоры? Смеялся ли он над её привычками? Жаловался ли на её характер? Говорил ли, что она перестала за собой следить, стала скучной, слишком много работает?

Эти вопросы обожгли сильнее, чем само признание.

— Почему вы мне звоните? — спросила Марина.

Ольга вздохнула.

— Потому что вчера он сказал, что между нами всё кончено. Что не может оставить семью.

Марина не ответила.

— Я понимаю, что поступаю ужасно.

— Не нужно.

— Что?

— Не нужно рассказывать мне, какая вы.

Ольга замолчала.

Марина почувствовала, как тяжело держать телефон. Переложила его в другую руку.

— Вы сказали всё, что хотели?

— Я думала, вы должны знать.

— Теперь знаю.

Она закончила разговор.

На экране высветилось время: шестнадцать часов двадцать три минуты.

Марина положила телефон на стол.

За окном мальчик в красной куртке пытался поднять велосипед по ступенькам. Колесо снова и снова соскальзывало. Наконец из подъезда вышел мужчина, взял велосипед за раму и помог ему.

Марина смотрела на них, пока они не скрылись за углом.

Потом подошла к холодильнику и достала рыбу, оставшуюся с четверга.

Она собиралась выбросить её, но зачем-то переложила на тарелку, сняла плёнку и поставила в микроволновку.

Когда раздался сигнал, Марина открыла дверцу.

От рыбы шёл пар.

Она закрыла дверцу, не тронув тарелку. Через несколько секунд стекло изнутри запотело. Марина погасила свет на кухне и вышла.

В спальне она открыла шкаф.

Одежда Виктора занимала большую часть левой секции. Пиджаки, рубашки, брюки. На верхней полке стоял дорожный чемодан, который они покупали перед поездкой в Италию на пятнадцатую годовщину свадьбы.

Марина сняла его.

Колёсико глухо ударилось о паркет.

Она поставила чемодан возле кровати и села рядом.

Не заплакала.

Не потому, что не было больно. Просто боль оказалась какой-то непривычной, без ясного места. Марине хотелось приложить ладонь к груди, к животу, к вискам — найти точку, откуда она исходила.

Вместо этого она смотрела на чемодан.

Двадцать два года.

Ей было двадцать один, когда они поженились. Виктор носил смешную короткую стрижку, постоянно терял ключи и называл её Маришкой. На свадьбе сломался каблук её туфли. Потом родилась Соня, не спавшая ночами. Был первый ремонт, когда они три месяца ужинали на подоконнике, потому что в квартире не было нормальной кухни. Были праздники,

болезни, примирения, отпуска и множество вечеров, о которых не осталось никаких воспоминаний.

Всё это существовало.

Она не могла и не хотела превращать прожитые годы в сплошную ошибку.

От этой мысли ей стало ещё больнее.

Виктор был человеком, которого она когда-то любила так сильно, что не представляла собственную жизнь отдельно от него. Теперь где-то существовала женщина, знавшая его смех, прикосновения, привычки. Возможно, она уже знала, как он морщится, когда пьёт слишком горячий кофе.

Марина представила это и впервые почувствовала ревность.

Не острую, яростную, какой ожидала от себя, а тяжёлую, почти физическую неприязнь к самой мысли, что самые обыкновенные проявления близости можно разделить с кем-то ещё.

Она вспомнила четверг, поздний ужин, его усталое «мы поели».

Мы.

Тогда она не придала этому значения.

Теперь слово вернулось, приобрело лица, голоса, целых восемь месяцев чужой жизни.

Марина поднялась и подошла к окну.

На улице начинало темнеть. В соседнем доме загорались окна, на кухне напротив женщина развешивала полотенца на батарее.

Суббота продолжалась.

Люди готовили ужин, возвращались из магазинов, спорили с детьми. Ничего не произошло такого, из-за чего город должен был хотя бы на минуту остановиться.

Телефон завибрировал.

Виктор.

«Я освободился. Еду домой. Что купить к ужину?»

Марина долго читала сообщение.

Этот вопрос он задавал почти каждую субботу.

Она вдруг вспомнила, сколько раз за последние месяцы отвечала ему, стоя на той самой кухне, где теперь остывала забытая рыба.

«Ничего», — написала она.

Подумала и добавила:

«Нам нужно поговорить».

Ответ пришёл почти сразу.

«Что случилось?»

Марина не стала отвечать.

Она вернулась к кровати, закрыла пустой чемодан и отнесла его в прихожую.

Ладонь ещё некоторое время лежала на пластиковой ручке. Марина не знала, кто из них уйдёт. Она знала только, что не собирается убирать чемодан до его возвращения.

Глава 2. Двадцать два года

Виктор приехал через сорок минут.

Марина услышала, как его машина остановилась во дворе, хотя раньше никогда не различала ее среди других. Потом хлопнула дверца, запищала сигнализация, и какое-то время ничего не происходило. Она подошла к окну.

Муж стоял возле машины, прижимая телефон к уху. Разговаривал негромко, слегка опустив голову. Один раз улыбнулся — коротко, почти незаметно. Потом посмотрел на окна их квартиры, убрал телефон и направился к подъезду.

Марина отошла от окна.

В прихожей стоял чемодан.

За последние полчаса она несколько раз проходила мимо него. Сначала хотела вернуть его на верхнюю полку, потом решила оставить. Чемодан был пуст, молния застегнута до конца, телескопическая ручка убрана. Самая обычная вещь, приготовленная для дороги.

Когда-то они купили его вместе, долго выбирая между двумя похожими моделями. Виктор настаивал на синем, Марине нравился темно-серый. В конце концов они взяли серую, потому что продавец убедил их, что на ней меньше видны царапины.

Теперь царапин оказалось довольно много.

Щелкнул замок.

Виктор вошел с бумажным пакетом в руке.

— Я все-таки заехал в магазин. Там твои любимые...

Он замолчал.

Марина стояла возле двери в гостиную. На ней были домашние брюки, мягкий свитер и носки, которые Соня подарила ей прошлой зимой. На одном носке красовалась вышитая лиса, на другом — только кончик её хвоста. Дочь уверяла, что так и задумано.

Виктор посмотрел на чемодан.

Потом на жену.

— Что случилось?

Марина не знала, с чего начать.

Ещё недавно ей казалось, что стоит увидеть его лицо — и слова найдутся сами. Теперь она замечала совершенно посторонние вещи: мокрый след от ботинка на коврике, плохо завязанный шарф, угол бумажного пакета, размякший от дождя.

— Сними обувь, — сказала она.

Виктор опустил взгляд, словно только сейчас заметил, что стоит в уличных ботинках.

— Марин...

— Пожалуйста.

Он молча разделся.

Пакет поставил на тумбу. Из него выглядывали длинный багет и верхушка ананаса.

Ананасы Марина не любила.

Обычно Виктор об этом помнил.

Она прошла на кухню. Муж последовал за ней.

В кухне было жарко. Батареи уже включили, а осенью отопление всегда работало так, будто за окном стоял январский мороз. Марина приоткрыла форточку.

Виктор сел за стол.

— Ты меня пугаешь.

Она посмотрела на него.

Он действительно выглядел встревоженным. Между бровями появилась складка, которую Марина хорошо знала. Так он смотрел на сломавшуюся машину, неожиданный счёт из банка или школьный дневник Сони, когда та в седьмом классе получила тройку за четверть.

За двадцать два года она научилась различать почти все выражения его лица. Но сейчас знакомая складка между бровями ничего не объясняла: он беспокоился о ней или о том, что она узнала?

— Мне сегодня позвонила Ольга.

Виктор не шелохнулся.

Только перестал теребить бумажную салфетку, лежавшую возле тарелки.

— Какая Ольга?

Марина смотрела ему в глаза.

Ей хотелось, чтобы он не задавал этого вопроса. Чтобы хотя бы теперь обошёлся без попытки оттянуть неизбежное.

— Та, с которой ты встречаешься восемь месяцев.

Виктор опустил голову.

Салфетка осталась лежать под его рукой, смятая у самого края.

Некоторое время они молчали.

С улицы донёсся собачий лай, потом за стеной что-то уронили соседи. В обычный вечер Марина непременно попыталась бы угадать, что именно. Их соседи недавно переехали, у них был маленький ребёнок и, судя по звукам, нескончаемое количество вещей, которые падали на пол.

Сейчас ей было всё равно.

— Я собирался тебе рассказать, — произнёс Виктор.

Марина чуть наклонила голову.

Она ожидала услышать многое. Возможно, извинения. Возможно, отрицание. Но эта фраза почему-то оказалась особенно неприятной.

— Когда?

— Марин, ну зачем сейчас...

— Через месяц? Через год? Когда Соня выйдет замуж?

— Не нужно так.

— Я просто хочу понять, сколько времени ты собирался мне дать.

Виктор потер лицо ладонями. Он делал так, когда усталость становилась сильнее раздражения.

— Всё гораздо сложнее, чем ты думаешь.

Она уже набрала воздуха, чтобы произнести привычное «я понимаю». Слова были наготове раньше, чем она успела подумать, понимает ли что-нибудь на самом деле. Марина сжала пальцы под столом и промолчала.

Виктор не любил трудных разговоров. Сначала раздражался, потом замыкался, и Марина обычно откладывала обсуждение до более подходящего момента. Подходящий момент редко наступал.

На этот раз она ничего не сказала.

— Я не хотел причинять тебе боль, — продолжил он.

Марина посмотрела на его руки.

На безымянном пальце осталось обручальное кольцо. Простое, гладкое, немного потертое. Они купили кольца в маленьком ювелирном магазине на первом этаже торгового центра. Денег было немного, Марина хотела выбрать самые дешевые, но Виктор настоял на широких.

«Будем носить всю жизнь», — сказал он тогда.

Она вспомнила, как долго смотрела на его руку после регистрации. Ей казалось удивительным, что теперь у них есть видимое доказательство того, что они принадлежат друг другу.

— Ты понимаешь, что говоришь? — спросила она.

— Что?

— Восемь месяцев ты встречался с другой женщиной. И не хотел причинять мне боль.

Виктор отвел взгляд.

— Так получилось.

Марина села напротив.

Ей вдруг стало интересно, когда именно он начал говорить такими словами. Получилось. Сложилось. Произошло. Словно события возникали сами по себе, без его участия, а он просто оказывался рядом.

Раньше Виктор говорил иначе.

В молодости, когда они еще снимали квартиру, он однажды вернулся с работы и признался, что потерял деньги, отложенные на холодильник. Не то чтобы потерял — одолжил другу, который пообещал вернуть через неделю и исчез.

Виктор тогда стоял посреди кухни, красный от стыда, и говорил: «Я дурак. Меня предупреждали, а я все равно дал».

Марина обняла его.

Еще три месяца они пользовались старым холодильником, который гудел по ночам и иногда неожиданно переставал морозить. Виктор вставал, стучал по боковой стенке, потом возвращался в постель, и они смеялись.

Ей нравилась его способность признавать собственные ошибки.

Когда она исчезла?

Или Марина просто перестала ее замечать?

— Ты ее любишь? — спросила она.

Виктор поморщился.

— Марина...

— Это несложный вопрос.

— На такие вещи нельзя отвечать сразу.

Она почти улыбнулась.

Восьми месяцев оказалось недостаточно для ответа. А двадцати двух лет, наверное, достаточно, чтобы не задавать лишних вопросов.

— Хорошо, — сказала Марина. — Тогда другой. Ты собирался уходить?

Он долго молчал.

— Я не знаю.

Эти три слова прозвучали неожиданно честно.

Марина посмотрела на него с почти болезненным любопытством.

Вот он сидит перед ней — мужчина, с которым она прожила большую часть своей взрослой жизни. Он знал, как она пьет кофе, как злится на себя, когда что-то забывает, как боится стоматологов и всегда оставляет немного воды на дне стакана. Она знала, что в детстве он хотел стать лётчиком, что терпеть не может варёную морковь и что после смерти отца несколько лет не мог слушать старые песни, которые тот любил.

Они помнили друг о друге столько мелочей, что их хватило бы на целую жизнь. Но самого важного — чем он жил последние восемь месяцев — Марина не знала.

— А с ней ты говорил, что уйдёшь.

Виктор поднял глаза.

— Она тебе сказала?

— Да.

— Господи.

Он откинулся на спинку стула и посмотрел в потолок.

В этом коротком движении было столько досады, что Марина впервые за вечер почувствовала настоящий гнев.

Не из-за измены.

Из-за того, что он раздражался, словно две женщины плохо согласовали между собой его расписание.

— Не надо злиться на неё, — сказала Марина.

Виктор резко посмотрел на жену.

— Ты теперь её защищаешь?

— Нет. Просто она не обещала мне хранить верность.

Он отвернулся.

Марина ожидала, что после этих слов почувствует удовлетворение. Но его не было. Ей совсем не хотелось выигрывать в этом споре. Ей хотелось, чтобы этот разговор оказался ненужным, чтобы можно было вернуться к утру, когда она застегивала сережку перед зеркалом и еще могла верить, что все объясняется случайностью.

Хотя даже утром уже не верила.

Они познакомились в мае.

Марине был двадцать один год. Она работала в небольшой мастерской по ремонту одежды, куда устроилась после окончания училища. Виктор приехал забрать пиджак своего начальника — тот порвал подкладку, зацепившись за металлический край кресла.

Виктор был высоким, немного нескладным, с коротко стриженными волосами. Он долго искал квитанцию, выворачивал карманы, ронял монеты на пол и наконец признался, что, кажется, оставил бумажку в машине.

Марина нашла заказ по фамилии.

Потом он спросил, не знает ли она хорошего места, где можно пообедать.

Она показала дорогу до ближайшей столовой.

На следующий день он пришел снова.

На этот раз — со своим пиджаком, на котором не хватало пуговицы.

Марина заметила, что пуговицу можно пришить самому за пять минут. Виктор ответил, что совершенно не умеет обращаться с иголкой.

Через неделю они уже гуляли по набережной.

Виктор рассказывал о работе, о матери, которая жила в другом городе, о планах открыть собственное дело. Он был уверен, что все получится, хотя тогда у него не было ни денег, ни опыта, ни особых оснований для такой уверенности.

Марина любила его слушать.

Рядом с ним будущее казалось не страшной неизвестностью, а чем-то вроде дороги за городом: едешь и постепенно видишь, что там впереди.

Она влюбилась не сразу.

Сначала ей нравилось, как Виктор смеется. Потом — как он слушает ее рассказы, даже самые скучные. Как однажды приехал через весь город, потому что она простудилась и пожаловалась по телефону, что дома закончился чай. Привез чай, лимоны и нелепого плюшевого мишку, которого купил в аптеке вместе с лекарствами.

Мишка до сих пор лежал в коробке с Сониными игрушками.

Однажды, много лет спустя, Марина нашла его во время уборки и хотела выбросить, но Виктор попросил оставить.

«Это же наш первый мишка», — сказал он.

Она тогда рассмеялась.

Теперь ей вдруг стало страшно, что все эти воспоминания придется хранить одной.

Не потому, что они перестанут существовать для Виктора. Просто он, возможно, будет вспоминать их иначе. С меньшей нежностью. С той усталостью, с какой говорят о давно завершённом деле.

— Я не хочу разводиться, — сказал Виктор.

Марина вернулась в реальность.

Муж сидел напротив, обхватив ладонями чашку с остывшим чаем. Она даже не заметила, когда успела его налить.

— Почему?

Он удивленно посмотрел на нее.

— Как почему? Мы же семья.

Марина не ответила сразу. Пальцы сами нашли шов на рукаве и стали теребить нитку.

Мы же семья.

Так он говорил, когда нужно было потратить выходные на поездку к его матери. Когда предлагал вложить накопления в очередное дело. Когда они решали, куда Соне поступать после школы.

В этих словах когда-то была защищенность.

Теперь Марина слышала в них требование.

— Виктор, у тебя восемь месяцев другая женщина.

— Это не значит, что я перестал тебя любить.

Марина отвернулась к окну.

В стекле отражалось их кухонное пространство: стол, шкафы, лампа, два человека по разные стороны.

Она вспомнила, как однажды, еще до рождения Сони, Виктор тяжело заболел ангиной. У него держалась высокая температура, он ничего не ел и почти не вставал. Марина брала отпуск за свой счёт, сидела рядом, меняла мокрые полотенца на лбу.

В одну из ночей он проснулся, нащупал её руку и сказал сонным голосом:

— Только не уходи никуда.

Она тогда ответила, что не уйдёт.

Ей даже в голову не пришло, что когда-нибудь это обещание может стать тяжёлым.

— Может быть, ты и любишь меня, — сказала она. — Но мне почему-то кажется, что это ничего не меняет.

Виктор поставил чашку.

— Ты просто сейчас обижена.

Марина закрыла глаза.

Он снова пытался объяснить ей её собственные чувства.

— Конечно, я обижена.

— Тогда давай не будем ничего решать сгоряча.

Она открыла глаза.

— А когда можно будет? После Нового года? Весной?

— Я прошу тебя не разрушать то, что у нас есть.

Марина посмотрела на него.

За долгие годы она научилась распознавать момент, когда разговор становился бесполезным. Обычно после этого она замолкала, давала Виктору успокоиться, а потом находила способ вернуться к вопросу, не задевая его самолюбие.

Но теперь ей нечего было беречь таким образом.

— Я не разрушала наш брак, Витя.

Он дернулся, как будто она сказала что-то оскорбительное.

— То есть я один во всем виноват?

Марина устало провела ладонью по лицу.

— Я не знаю, кто во всем виноват. Наверное, такого человека вообще нет. Но решение встречаться с другой женщиной принял ты.

Виктор встал.

Подошел к окну, закрыл форточку.

Потом вернулся.

— У нас давно не все хорошо.

Марина кивнула.

— Я знаю.

Он явно не ожидал согласия.

— Мы почти не разговариваем. Ты постоянно занята своим ателье. Я прихожу домой, а ты то с заказами, то с Соней, то с матерью.

Она слушала.

В этом тоже была правда.

В последние годы Марина действительно много работала. Иногда задерживалась допоздна, иногда приносила заказы домой. Виктор жаловался, что ей важнее чужие платья, чем собственный муж.

Но были и другие вечера.

Когда она предлагала сходить в театр, он отказывался, потому что устал. Когда она пыталась рассказать о работе, он слушал вполуха. Когда Соня уехала учиться и дом впервые опустел, Марина предложила съездить куда-нибудь вдвоем.

Виктор сказал, что отпуск пока не получается.

Позднее она узнала из его рассказов, что с коллегами он ездил на рыбалку.

Тогда Марина не стала спорить.

Теперь ей казалось удивительным, сколько маленьких разочарований можно накопить, прежде чем перестаёшь их замечать.

— Я понимаю, что у нас были проблемы, — сказала она.

Виктор сел.

— Вот видишь.

— Но я не понимаю, почему ты решил, что можешь ничего со мной не обсуждать.

Он пожал плечами.

— Я думал, это пройдёт.

Марина посмотрела на его лицо.

Когда-то она считала, что знает этого человека лучше, чем саму себя. Теперь перед ней сидел усталый мужчина, который пытался объяснить восьмимесячную связь так, словно речь шла о затянувшейся простуде.

Она вдруг увидела, сколько ему лет.

Мелкие морщинки вокруг глаз, седина над ушами, складка у рта. Все это появлялось постепенно, и Марина привыкала к каждой перемене, почти не замечая их. Она любила его молодым, потом взрослым, потом начинающим стареть.

Любила ли она его сейчас?

На этот вопрос не было простого ответа.

Она не испытывала к нему ненависти.

Ей было жаль его, жаль себя, жаль их обоих — людей, которые когда-то искренне верили, что смогут прожить вместе всю жизнь.

Но рядом с жалостью жило другое чувство.

Усталость.

Такая глубокая, что Марине захотелось лечь, закрыть глаза и больше ничего не объяснять.

Разговор продолжался почти до полуночи.

Они возвращались к одним и тем же словам, спорили, замолкали. Виктор несколько раз пытался взять её за руку. Марина не отдёргивала ладонь резко, просто убирала её, когда он приближался.

Наконец он спросил:

— И что теперь?

Марина посмотрела в сторону прихожей.

Отсюда чемодана не было видно, но она помнила, где он стоит.

— Я хочу, чтобы ты пожил отдельно.

Виктор медленно выпрямился.

— Серьёзно?

— Да.

— Ты меня выгоняешь?

Марина подумала, что именно это слово он и выберет.

— Я прошу тебя уехать на какое-то время.

— Это и мой дом тоже.

— Я знаю.

— И куда мне идти?

Она не ответила.

Виктор посмотрел на неё внимательно, почти недоверчиво.

— Ты хочешь, чтобы я поехал к ней?

Марина почувствовала, как в груди снова поднялась боль.

Она не хотела снова произносить имя Ольги.

— Я не знаю, Витя. Ты восемь месяцев как-то решал этот вопрос без меня.

Он отвернулся.

Впервые за вечер Марине показалось, что она действительно причинила ему боль.

Раньше это непременно заставило бы её извиниться.

Она не извинилась.

Виктор собирал вещи долго.

Сначала принёс чемодан в спальню, поставил на кровать. Потом открыл шкаф и замер, рассматривая рубашки.

Марина сидела в гостиной с книгой, которую не читала.

Из спальни доносились звуки выдвигаемых ящиков, шорох ткани, металлический стук вешалок.

В какой-то момент Виктор позвал:

— Марин, а где мой серый джемпер?

Она чуть не ответила сразу.

Серый джемпер лежал на верхней полке за свитерами. Марина убрала его туда ещё в сентябре, когда перебирала одежду.

Она уже поднялась с дивана, но остановилась.

— Посмотри наверху, — сказала она.

Через минуту Виктор нашёл джемпер.

Марина снова села.

Ей было стыдно за эту маленькую попытку не помогать. В происходящем хватало настоящей боли, и казалось нелепым придавать значение тому, кто достанет одежду с полки.

Но именно в таких мелочах, вероятно, и заключалась привычная форма их брака.

Виктор звал.

Марина приходила.

Не потому, что он всегда требовал.

Чаще потому, что она сама привыкла.

Ближе к часу ночи муж появился в гостиной.

На нём было пальто, шарф он держал в руке.

— Я возьму пока самое необходимое.

Марина кивнула.

Он стоял в дверях, словно ожидал ещё одного разговора.

— Я правда не хотел, чтобы всё так вышло.

Марина посмотрела на него.

Она могла бы сказать, что верит. Что понимает. Что им обоим сейчас тяжело.

И все это было бы отчасти правдой.

Но она устала от слов, которые смягчают разговор, ничего не меняя.

— Я знаю, — ответила она.

Виктор подошел и обнял ее.

Марина не сразу поняла, что происходит. Его руки легли ей на плечи, щекой она коснулась знакомой ткани пальто.

От него пахло обычным одеколоном.

И еще чем-то посторонним — возможно, дождем, кожей автомобильного сиденья, чужим помещением.

Она закрыла глаза.

Когда-то в этих объятиях проходили ее самые тяжелые дни. После смерти отца. После первой серьезной болезни Сони. После того, как пришлось закрыть прежнюю мастерскую и начинать дело почти с нуля.

Теперь Марина стояла неподвижно.

Она не испытывала отвращения.

Но и прежнего желания прижаться к нему не было.

Виктор первым отстранился.

— Я позвоню завтра.

— Хорошо.

Он взял чемодан.

У двери обернулся.

— Только Соне пока не говори.

Марина посмотрела на мужа.

Вот оно.

Даже сейчас, уходя из дома, он пытался сохранить видимость спокойствия.

— Соня взрослая, Витя.

— Я понимаю. Но зачем ее расстраивать раньше времени?

Она не ответила.

Виктор вышел.

Дверь тихо закрылась.

Так же тихо, как он всегда закрывал ее, когда Соня была маленькой.

Марина ещё долго стояла в прихожей.

На полу осталась мокрая полоса от колёсика чемодана. Она заметила её почти сразу и машинально подумала, что надо вытереть, пока не высохло.

Потом прошла на кухню, налила воды и выпила, опираясь ладонью о край раковины.

Часы показывали час семнадцать.

Дом был таким же, как несколько часов назад. Те же шторы, посуда, мебель, книги. На спинке стула висел Викторов старый кардиган, который он забыл.

Марина взяла его двумя пальцами.

Ткань была мягкая, немного растянутая возле локтей. Она сама покупала этот кардиган лет десять назад и не раз штопала маленькую дырочку на рукаве.

Марина хотела убрать вещь в шкаф.

Потом передумала и оставила на стуле.

Ночью она почти не спала.

Несколько раз просыпалась от ощущения, что рядом кто-то есть. Поворачивалась на другую сторону кровати, видела пустую подушку и вспоминала вечер.

Под утро ей приснилась Соня маленькой.

Девочка стояла возле кухонного стола и плакала, потому что разбила чашку. Марина собирала осколки, повторяя, что ничего страшного не случилось. Но чашка никак не собиралась: сколько бы она ни поднимала кусочки с пола, появлялись новые.

Проснулась Марина около семи.

За окном ещё было сумрачно. Дворник сгребал мокрые листья к бордюру. У соседей напротив горел свет на кухне.

Она полежала немного, прислушиваясь к дому.

Затем встала.

На кухне включила чайник, достала кофе и привычно поставила на стол две чашки.

Одну пришлось убрать.

Марина держала её в руках чуть дольше, чем требовалось.

Это была Викторова чашка — большая, белая, с отколотым краем возле ручки. Он пользовался ею много лет и сердился, когда Марина предлагала заменить.

Она поставила чашку обратно в шкаф.

Потом села за стол.

Впереди был воскресный день.

Нужно было позвонить Соне. Ответить клиентке. Забрать из химчистки пальто. Разобрать продукты, купленные накануне.

Все эти обычные дела никуда не исчезли.

Марина посмотрела на часы.

Она вдруг вспомнила, что Виктор по воскресеньям любил долго спать. Раньше она старалась не шуметь, не включала музыку, осторожно закрывала дверцы шкафов.

Теперь можно было не беспокоиться.

Она встала, включила радио и вернулась к столу.

По кухне разлилась незнакомая мелодия.

Марина прислушалась.

Песня ей не понравилась.

Она переключила станцию.

Потом ещё одну.

На третьей играла старая композиция, которую она помнила с молодости.

Марина оставила её.

Кофе стоял перед ней, горячий, с тонкой коричневой пенкой.

Она сделала глоток.

За окном начинался обычный воскресный день.

В этом утре не было счастья. Зато, услышав в пустой кухне собственное негромкое «нет, не эту» и переключив радио ещё раз, Марина не стала объяснять свой выбор никому — даже мысленно.

Глава 3. Дочь

Соня приехала в воскресенье без предупреждения.

Марина как раз разбирала кухонный шкаф. Она не собиралась заниматься уборкой — просто утром открыла дверцу, чтобы достать сахар, и увидела на верхней полке три коробки с чаем, который никто не пил. Потом обнаружила просроченные специи, пластиковую крышку без контейнера и банку засахаренного варенья.

К полудню весь стол был заставлен посудой.

Марина стояла на табуретке, когда раздался звонок в дверь.

— Мам, ты дома?

Голос Сони прозвучал так близко и обыкновенно, что Марина на мгновение забыла о случившемся накануне.

Дочь вошла с рюкзаком за плечом, в расстёгнутой куртке, с красными от холода щеками. Волосы выбились из-под шапки. Она обняла мать на ходу, сбросила ботинки и сразу направилась на кухню.

— Ты что, ремонт затеяла?

— Шкаф разбираю.

— Вижу.

Соня поставила рюкзак на свободный стул и подняла банку варенья.

— Это ещё съедобно?

— Поставь обратно.

— Значит, нет.

Она открыла холодильник.

Марина слезла с табуретки и посмотрела на дочь. Соня была в тёмных джинсах, растянутом свитере и той самой куртке, которую Марина ещё прошлой зимой предлагала заменить. Куртка была вполне приличная, только возле кармана начала расходиться строчка.

Марина заметила это сразу.

— Давай потом зашью.

— Что?

— Карман.

Соня посмотрела вниз.

— А. Да там ерунда.

Она достала йогурт, прочитала дату на крышке, открыла и принялась есть прямо из баночки.

— Папа где?

Марина взяла со стола сахарницу.

Вопрос был ожидаемым. Она даже успела придумать несколько ответов. Можно было сказать, что Виктор уехал по работе. Или что они поссорились. Или попросить Соню сначала пообедать, а потом всё объяснить.

Но дочь стояла напротив, большая, взрослая, с ложкой в руке, и Марина услышала, как беспомощно прозвучало бы приготовленное «всё хорошо». Ложь не защитила бы дочь; она только оставила бы Соню наедине с догадками.

— Папа вчера уехал.

Соня перестала есть.

— Куда?

— Пока поживёт отдельно.

Дочь опустила баночку на стол.

Несколько секунд она смотрела на мать, затем перевела взгляд на холодильник, словно там могло обнаружиться что-нибудь, объясняющее услышанное.

— Вы поссорились?

— Да.

Марина поправила полотенце, висевшее на ручке духовки.

— Соня, давай сядем.

Но дочь не села.

— Из-за чего?

Марина провела ладонью по краю стола. Там осталась липкая полоска от варенья.

— У папы другая женщина.

Соня медленно выдохнула.

Она не переспросила.

Именно это Марина заметила прежде всего.

Не было ни возмущённого «что?», ни недоверчивого смеха, ни попытки возразить. Соня опустила глаза и сжала ложку так сильно, что побелели пальцы.

— Давно? — спросила она.

— Восемь месяцев.

Дочь закрыла глаза.

— Господи.

Марина спросила бы спокойнее, если бы не заметила, как Соня отвела глаза от неё к окну.

— Ты что-то знала?

Соня молчала.

— Соня?

— Я не знала точно.

За окном проехала машина, тяжело шурша шинами по мокрому асфальту.

Марина выдвинула стул и села.

— Что значит не знала точно?

Дочь наконец устроилась напротив. Придвинула йогурт к краю стола, положила ложку на крышку.

— Мам, я не следила за папой. Просто летом видела его с одной женщиной.

Марина посмотрела на нее.

— Где?

— В городе. Возле кофейни на Большой Садовой. Мы с Алисой шли из магазина.

— И что?

Соня подняла глаза.

— Они обнимались.

Марина медленно убрала руки со стола.

Большая Садовая. Там была одна из кофеен, куда Виктор иногда заезжал перед работой. Несколько раз привозил оттуда пирожные — круглые, с лимонным кремом, которые она любила.

В памяти всплыл бумажный пакет с зеленым рисунком.

— Когда это было?

— В июле. Наверное, в середине.

Марина стала вспоминать июль.

Дача у друзей. Сессия у Сони. Жаркие вечера, когда они спали с открытыми окнами. Виктор тогда много работал, иногда возвращался поздно. Марина жаловалась, что они почти не видятся, но без особой обиды: лето всегда пролетает быстро, а отпуск они собирались взять в сентябре.

В сентябре отпуск не состоялся.

— Почему ты мне не сказала?

Соня провела пальцем по краю баночки.

— Я не была уверена.

— Ты видела, как твой отец обнимает другую женщину.

— Мам, я не знала, кто она.

— И даже не спросила?

Дочь подняла голову.

— Я спросила.

Марина замолчала.

— Папа сказал, что это коллега. Что у нее что-то случилось и он ее успокаивал.

Последние слова Соня произнесла с явным недоверием, но Марина услышала в них не столько объяснение Виктора, сколько собственную привычную готовность ему верить.

Она бы тоже приняла такой ответ.

Возможно, даже обрадовалась бы.

— И ты решила, что это правда?

— Я решила, что не хочу устраивать скандал, если ничего нет.

Марина посмотрела на дочь.

Ей вдруг стало мучительно обидно.

Не только на Виктора, но и на Соню — за ее молчание, за возможность знать что-то важное о жизни родителей и спокойно звонить, приезжать, рассказывать о своих делах.

Эта обида была несправедливой. Марина понимала это, но понимание не мешало ей чувствовать.

— Ты могла бы хотя бы поговорить со мной.

Соня отодвинула стул.

— Мам, я не знала, как.

— Просто сказать, что видела.

— И что бы ты сделала?

Вопрос застал Марину врасплох.

— Я бы поговорила с отцом.

Соня посмотрела на нее долгим, неожиданно взрослым взглядом.

— Ты бы сказала, что я все неправильно поняла. Или что папа действительно кого-то успокаивал. А потом мне пришлось бы смотреть, как вы делаете вид, что ничего не произошло.

Марине бросился в лицо жар. Она стиснула пальцы под краем стола, чтобы не начать оправдываться раньше, чем дочь договорит.

— Ты несправедлива.

— Может быть.

— Ты не знаешь, какими были наши отношения.

— Я прожила с вами двадцать лет, мама.

Марина отвернулась к окну.

Во дворе мужчина выгуливал собаку. Пес упирался, не желая идти по мокрой дорожке, и хозяин терпеливо ждал, пока тот решится.

На столе лежали ненужные крышки, коробки и кухонные мелочи. Все это вдруг показалось таким бессмысленным, что Марине захотелось одним движением смахнуть их на пол.

Вместо этого она взяла тряпку и стала оттирать липкое пятно.

— Значит, ты давно считала, что у нас все плохо.

— Я этого не говорила.

— Но думала.

Соня вздохнула.

— Мам, пожалуйста, не надо.

Марина перестала вытирать стол.

В Сонином усталом «не надо» Марина услышала не упрёк, а просьбу оставить ей хотя бы право на собственную ошибку. И всё равно не сумела вовремя остановиться.

— Мне просто хотелось знать, что я не последняя, кто узнал о своей семье.

Соня побледнела.

Она медленно закрыла баночку крышкой, хотя йогурт был почти съеден.

— Я не виновата, что папа тебе изменял.

Марина увидела, как дочь стиснула губы, и запоздало услышала собственные слова.

— Сонечка...

— Нет, мам. Я правда не виновата.

Голос дочери дрогнул, и от этого Марине стало хуже, чем от любых обвинений.

Она потянулась к руке Сони, но та убрала ее со стола.

— Я все лето думала, говорить тебе или нет. Потом решила, что, наверное, ошиблась. Я ведь не хотела, чтобы вы из-за меня поссорились.

Марина посмотрела на дочь.

Теперь она увидела то, чего не замечала несколько минут назад: темные круги под глазами, обкусанные ногти, напряженные плечи.

Соня тоже переживала. Возможно, уже несколько месяцев.

И все это время Марина считала, что дочь живет счастливой, беззаботной жизнью, где главные трудности — экзамены, ссоры с подругами и вечная нехватка денег.

— Прости меня, — сказала она.

Соня опустила голову.

Марина не стала повторять извинение. Соня смотрела в стол, и торопить её сейчас было нельзя.

Она встала и поставила чайник.

Когда Соня была маленькой, Марина умела угадывать её настроение по тому, как дочь открывала дверь.

Если день в школе проходил хорошо, портфель летел на банкетку в прихожей, куртка оставалась на полу, а сама Соня начинала говорить ещё до того, как снимала ботинки.

Если случалась неприятность, она аккуратно ставила обувь рядом с ковриком и шла мыть руки.

Тогда Марина знала: что-то произошло.

Она могла назвать десятки подобных мелочей. Как Соня теребила край рукава, когда боялась признаться в проступке. Как смешно хмурилась во сне. Как однажды, в пять лет, отказалась идти на детский праздник, потому что у её куклы якобы болела голова.

Марина помнила первый зуб, первую простуду, первый школьный спектакль, на котором Соня забыла слова и расплакалась прямо на сцене.

А потом дочь выросла.

Постепенно в её жизни появились люди, имён которых Марина не знала, места, где она никогда не была, разговоры, происходившие без неё. Марина принимала это как естественную часть взросления, хотя иногда ощущала странную пустоту.

Но только сейчас она поняла, что не одна Соня стала для неё менее понятной.

Она сама тоже превратилась в человека, которого дочь знала лишь отчасти.

Соня не видела, как Марина сидела ночью рядом с заболевшим Виктором. Не помнила их первую квартиру, потому что была слишком мала. Не знала, как они радовались покупке самой дешёвой стиральной машины, как ссорились из-за переезда, как мирились после тяжёлых дней.

Для дочери родители всегда были взрослыми.

У них будто не существовало молодости, неопределённости, неудачных решений, после которых приходилось начинать сначала.

И Марина вдруг почувствовала острую потребность рассказать ей об этом.

Но не сейчас.

Сейчас Соне нужна была не история их брака.

Ей нужно было знать, что мать не станет обвинять её в разрушении семьи.

Они пили чай молча.

Марина достала из буфета печенье, которое Соня любила в детстве, но дочь к нему не притронулась.

Через некоторое время она спросила:

— Вы разводитесь?

Марина посмотрела на свою чашку.

— Я пока не знаю, как всё будет оформляться. Но жить вместе мы сейчас не будем.

— Папа сам ушёл?

— Я попросила.

Соня кивнула.

Она сидела, поджав одну ногу под себя, как делала всегда, несмотря на многочисленные замечания бабушки. Марина заметила, что у её свитера вытянулся ворот, и с трудом удержалась от предложения привести его в порядок.

— Ты его простишь? — спросила дочь.

Марина долго не отвечала.

Вопрос казался простым только до тех пор, пока на него не нужно было отвечать.

Она не знала, что означает простить двадцать два года спустя после свадьбы.

Забыть? Продолжать жить вместе? Перестать испытывать боль? Научиться вспоминать человека без ненависти?

Возможно, всё это совершенно разные вещи.

— Не знаю, — сказала она наконец. — Но возвращаться к прежней жизни не хочу.

Соня посмотрела на неё с удивлением.

Марина сама удивилась тому, как спокойно прозвучали эти слова.

Ещё вчера она не могла представить, что произнесёт их вслух. Сегодня они не принесли облегчения, но и не показались ложью.

— Ты его больше не любишь?

Марина провела пальцем по краю чашки.

Она вспомнила Виктора молодым — его нескладную фигуру в плохо сидящем свадебном костюме. Потом другим, усталым и счастливым, когда он впервые взял на руки новорождённую Соню. Вспомнила, как они танцевали на кухне под старую радиопередачу, как выбирали первые обои, как однажды молча просидели всю ночь в больничном коридоре.

Любовь к Виктору существовала во всех этих воспоминаниях.

Но Марина не могла найти её в себе такой, какой она была раньше.

— Я очень долго его любила, — сказала она.

Соня отвела глаза.

Марина увидела, что дочь едва сдерживает слёзы.

Ей захотелось немедленно обнять её, сказать, что всё наладится, что родители всегда останутся родителями, что ничего страшного не произошло.

Но страшное произошло.

И Марина впервые не стала прикрывать его удобными словами.

— Это ведь не значит, что всё хорошее у нас было ненастоящим, — добавила она.

Соня кивнула, не поднимая головы.

Марина встала, обошла стол и обняла дочь за плечи.

Та сначала сидела неподвижно, потом прижалась к ней.

От волос Сони пахло шампунем с яблоком. В детстве Марина сама выбирала ей средства для волос, проверяла состав, читала этикетки. Теперь запах был незнакомым.

Дочь выросла.

Марина обнимала её, чувствуя под ладонью тёплую ткань свитера, и думала о том, что не может уберечь Соню от всего, что причиняет боль.

Даже если очень постарается.

После обеда Соня предложила пойти погулять.

На улице было холодно. Небо затянуло низкими серыми облаками, вдоль тротуаров лежали мокрые листья. Марина надела пальто, то самое, у которого разошлась подкладка, и взяла зонт.

Соня отказалась от шапки, хотя ветер был сильный.

Они шли вдоль старых домов, мимо аптеки, цветочного магазина и маленькой булочной, куда раньше заходили по воскресеньям.

Марина вдруг вспомнила, как много лет назад Соня просила купить ей пирожное в форме ёжика. На самом деле это было обычное шоколадное пирожное с миндальными иголками, но дочь считала его почти живым и всегда сначала съедала нос, чтобы ёжик не смотрел, как она ест остальное.

Теперь в витрине стояли совсем другие десерты.

Марина остановилась.

— Помнишь ёжиков?

Соня заглянула за стекло.

— Господи, конечно. Ты мне всегда покупала одного, а я просила двух.

— Потому что одного тебе хватало за глаза.

— Я хотела второго домой принести. Чтобы жил.

Они рассмеялись.

Это был первый настоящий смех за весь день, и Марина неожиданно почувствовала благодарность к этой нелепой детской выдумке.

Они купили по булочке с корицей и пошли дальше.

У небольшого сквера Соня остановилась возле скамейки, стряхнула с неё несколько листьев и села. Марина устроилась рядом.

Дочь некоторое время молчала, разламывая булочку.

— Мам, а ты ведь когда-то хотела учиться на художника?

Марина удивилась.

— Откуда ты помнишь?

— Ты рассказывала. Давно. У тебя ещё эскизы лежали в синей папке.

— Лежат до сих пор.

— Почему ты не поступила?

Марина посмотрела на дорожку.

Мимо проходили мужчина с коляской и женщина в длинном пальто. Ребёнок в коляске спал, высунув из-под одеяла одну руку. Мужчина осторожно заправил её обратно.

Марина не сразу ответила.

Она могла сказать, что не было денег. Что обстоятельства изменились. Что потом появился Виктор, родилась Соня, начались заботы.

Всё это было правдой.

Но не всей.

— Тогда мне казалось, что я еще успею, — сказала она.

Соня кивнула.

— А сейчас?

Марина посмотрела на дочь.

В ее голосе не было ни упрека, ни жалости. Только искреннее любопытство.

— Сейчас уже поздно учиться тому, чего я хотела?

— Я не об этом.

— А о чем?

Соня пожала плечами.

— Ты ведь все равно рисуешь. И придумываешь платья. Может, тебе хочется чего-то еще?

Марина усмехнулась.

— Например?

— Не знаю. Это же твоя жизнь.

Она сказала это легко, почти небрежно, откусывая булочку.

Марина отвернулась.

Твоя жизнь.

В последнее время ей все чаще казалось, что она слышит эти слова впервые.

Она привыкла воспринимать себя через множество определений: жена Виктора, мать Сони, дочь Галины Петровны, хозяйка ателье. Каждое из них было настоящим, каждое занимало важное место в ее жизни.

Но если убрать хотя бы одно, особенно то, с которым она прожила двадцать два года, останется какое-то неопределенное пространство.

Марина не знала, чем его заполнить.

И впервые позволила себе не торопиться с ответом.

Домой они вернулись около четырех.

Соня сразу включила музыку на кухне и принялась помогать маме убирать посуду обратно в шкаф. Она переставила тарелки, выбросила ненужные крышки, нашла две одинаковые терки и потребовала объяснить, зачем семье столько кухонных принадлежностей.

Марина сказала, что одну купила для дачи.

— У нас нет дачи, мам.

— Раньше была у твоей бабушки.

— Бабушкину дачу продали шесть лет назад.

Марина посмотрела на тёрку.

— Значит, пора выбрасывать.

Соня торжественно положила её в пакет.

Они ещё немного разбирали шкафы, потом дочь решила уехать, чтобы успеть подготовиться к занятиям.

В прихожей она долго завязывала шнурки.

Марина стояла рядом, держа её шарф.

— Мам, я хочу тебе кое-что сказать.

— Говори.

Соня выпрямилась.

— Я папу тоже люблю.

Марина опустила взгляд на руки дочери. Ей захотелось возразить, хотя возражать было нечему.

Она не ожидала, что дочь сочтёт нужным произнести это вслух.

— Конечно, Сонечка.

— Я не хочу, чтобы ты думала, будто я выбираю между вами.

— Не нужно выбирать.

Соня внимательно посмотрела на неё.

— Правда?

Марина выдержала её взгляд.

— Правда.

Дочь кивнула.

Потом шагнула ближе и крепко обняла мать.

— Я тебя люблю.

— И я тебя.

Когда за Соней закрылась дверь, Марина некоторое время стояла в прихожей с шарфом в руках.

Дочь снова забыла его.

Марина почти рассмеялась.

Она могла бы позвонить, попросить вернуться. Но Соня наверняка уже спустилась по лестнице и спешила на автобус.

Марина положила шарф на тумбу.

Потом прошла на кухню.

Стол был чистым, шкафы наконец-то привели в порядок. На подоконнике лежали две груши. Одна начала портиться, возле черенка появилось мягкое темное пятно.

Марина взяла ее, вырезала испорченную часть, а остальное разрезала на небольшие кусочки.

Груша оказалась сладкой.

Она съела половину, стоя у окна.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Виктора.

«Соня сказала, что была у тебя. Ты ей все рассказала?»

Марина перечитала его дважды.

Ей хотелось ответить резко. Напомнить, что у дочери есть право знать правду. Спросить, почему именно сейчас его так беспокоит, что подумают близкие.

Но она устала.

Не от сегодняшнего разговора и не от вчерашней бессонной ночи. От бесконечной необходимости предугадывать, какие слова вызовут раздражение, а какие помогут сохранить спокойствие.

Марина набрала:

«Да. Мы поговорили».

Виктор ответил почти сразу:

«Нужно было сначала обсудить это со мной».

Она посмотрела на экран.

Потом положила телефон на стол.

Через минуту пришло еще одно сообщение.

«Я не хочу, чтобы она считала меня плохим отцом».

Марина долго стояла у окна.

В соседнем доме зажегся свет. На третьем этаже женщина в домашнем халате поливала цветы, осторожно наклоняя маленькую лейку над горшками.

Марина представила, что могла бы сейчас ответить Виктору. Объяснить, что Соня взрослая, что она сама разберётся в своих чувствах, что невозможно требовать от других людей заранее определённого отношения к собственным поступкам.

Наверное, он снова возразил бы.

Разговор продолжился бы, затянулся на весь вечер. Марина стала бы подбирать более мягкие выражения, стараясь не обидеть его слишком сильно.

Она оставила телефон без ответа.

Впервые за долгое время ей не захотелось исправлять чужое представление о себе.

Вечером Соня прислала фотографию.

На снимке стояла тарелка с макаронами, рядом лежал открытый учебник.

«Мам, я поела нормально. Не переживай».

Марина перечитала сообщение, задержав палец на экране. Соня успела всё устроить без её напоминаний — и почему-то именно это было труднее всего принять.

Марина поставила телефон на зарядку и открыла книгу, начатую несколько недель назад.

Она прочитала несколько страниц, вернулась к началу главы и обнаружила, что почти ничего не запомнила.

Тогда отложила книгу и пошла в спальню.

На комоде лежала фотография, сделанная семь лет назад во время семейного отдыха. Виктор стоял за её спиной, обнимая за плечи. Соня, тогда ещё школьница, смеялась, прикрывая глаза ладонью.

Марина взяла рамку.

На фотографии они были счастливы.

Она помнила тот день.

Они заблудились по дороге к морю, долго искали нужный поворот, поссорились из-за навигатора, а потом случайно вышли к маленькому пляжу, где почти не было людей. Соня собирала камушки, Виктор купил у местного продавца огромный арбуз. Марина сидела на полотенце, отмывая липкий сок с пальцев, и смеялась, потому что Виктор пытался разрезать арбуз пластиковым ножом.

Этот день существовал.

Не нужно было отказываться от него только потому, что через семь лет муж стал встречаться с другой женщиной.

Марина поставила рамку обратно.

Она пока не знала, что делать с семейными фотографиями. Убирать их казалось жестокостью по отношению к самой себе. Оставлять на прежних местах — странным притворством.

Пусть пока постоят.

Она выключила свет.

За окном ветер шевелил ветви дерева. По стеклу иногда ударяли тяжёлые капли воды, оставшиеся после дневного дождя.

Марина легла на свою сторону кровати.

На другой стороне лежала аккуратно сложенная подушка Виктора.

Вчера она не решилась её убрать.

Сегодня посмотрела на неё и подумала, что завтра сменит постельное бельё.

Она представила, как утром снимет простыню, вытащит из наволочки примятую подушку и откроет окно. Обычная домашняя работа вдруг показалась посильной.

Она повернулась к окну и закрыла глаза.

Перед сном ей вспомнилось, как Соня сидела на скамейке в сквере, болтала ногой и говорила о будущем с уверенностью человека, у которого впереди еще множество возможностей.

Соня сегодня говорила о её старых рисунках так, будто они никуда не исчезли — ни под слоями повседневных дел, ни за двадцать два года семейной жизни. Перед тем как заснуть, Марина попыталась вспомнить, в какой именно коробке лежит синяя папка.

Глава 4. Женщина, которой я была

В понедельник Марина пришла в ателье раньше обычного.

На улице еще не рассвело. Над мокрым тротуаром горели фонари, а в витринах соседних магазинов отражались редкие прохожие. У цветочного киоска женщина в пуховике расставляла ведра с хризантемами. Одна из веток зацепилась за край двери, несколько желтых лепестков упали на землю, но женщина, не заметив этого, продолжила работу.

Марина прошла мимо, придерживая воротник пальто.

Ночью она снова плохо спала. Просыпалась несколько раз, прислушивалась к звукам в квартире, а под утро долго лежала с открытыми глазами. Было странно осознавать, что отсутствие Виктора меняет не только привычный порядок вещей, но даже тишину. Раньше она знала, какие звуки принадлежат дому: как щелкает выключатель в коридоре, когда муж встает за водой, как скрипит половица возле спальни, как негромко жужжит его электробритва.

Теперь она слышала другое. Шум воды в трубах. Шорох шин за окном. Собственное дыхание.

Около шести Марина перестала пытаться уснуть.

Она сварила кофе, съела половину тоста и какое-то время сидела за кухонным столом, просматривая список дел на неделю. Заказов было много. Два вечерних платья, несколько пальто, костюм для пожилого постоянного клиента, который к каждому празднику просил немного ослабить пояс брюк и при этом уверял, что совсем не поправился.

Марина улыбнулась, вспомнив его.

Работа была надёжнее бессонных размышлений. На столе лежали мерки, сроки, маленький листок с пометкой Светланы: «Не забудь укрепить плечо». Здесь никто не говорил «так получилось»; если шов тянул, Марина брала распарыватель и терпеливо начинала заново.

Она закрыла блокнот, оделась и вышла.

Ателье располагалось на первом этаже старого пятиэтажного дома. Двадцать лет назад здесь был магазин канцелярских товаров, а еще раньше — мастерская по ремонту обуви. Когда Марина впервые увидела помещение, стены были выкрашены в неприятный розоватый цвет, линолеум вздулся возле батарей, а в подсобке пахло сыростью.

Виктор тогда долго ее отговаривал.

Он не запрещал открывать свое дело, даже помогал с документами и ремонтом, но считал затею преждевременной. Соня была маленькой, семейных денег едва хватало, а Марина собиралась вложить почти все накопления в помещение, которому требовался капитальный ремонт.

Она помнила, как стояла посреди пустого зала, а Виктор перечислял возможные убытки.

Тогда она впервые настояла на своём.

Пожалуй, теперь Марину удивляло не то, что она решилась, а то, как редко впоследствии позволяла себе такую решительность.

Она повернула ключ в замке.

Внутри пахло тканью, утюжным паром и чем-то чуть сладковатым — так пахли новые картонные коробки, которые недавно привезли для упаковки готовых заказов.

Марина включила свет, сняла пальто и прошла в мастерскую.

На большом раскройном столе лежало светло-серое платье Валентины Борисовны. В пятницу Марина успела закончить боковые швы, но нужно было еще проверить посадку и обработать горловину.

Она разложила платье и осторожно провела ладонью по ткани.

Валентина Борисовна перенесла тяжелую болезнь. На последней примерке она долго рассматривала свое отражение, а потом вдруг попросила сделать вырез чуть глубже.

— Раньше бы постеснялась, — сказала она, трогая тонкую кожу у ключицы. — А теперь думаю, какая глупость — всю жизнь прятать то, что тебе дано.

Марина тогда улыбнулась, но ничего не ответила.

Теперь эти слова вспомнились ей с неожиданной ясностью.

Она достала портновские ножницы, разложила инструменты и принялась за работу.

Через полчаса пришла Светлана.

Светлане было пятьдесят два года, почти восемнадцать из них она проработала с Мариной. Невысокая, плотная, с короткими светлыми волосами, она умела обращаться с капризными тканями так, словно они сами подсказывали ей, что с ними делать. При этом Светлана терпеть не могла возиться с документами, постоянно теряла ручки и считала любую новую программу учета заказов личным оскорблением.

— Ты сегодня совсем рано, — сказала она, снимая шарф. — Опять эта клиентка с жакетом?

— Нет. Просто проснулась.

Светлана посмотрела на нее внимательнее.

— Выглядишь неважно.

Марина усмехнулась.

— Спасибо.

— Я не в том смысле. Устала, что ли?

— Немного.

Светлана повесила куртку и подошла к чайнику.

Она не стала ничего спрашивать. Марина была ей за это благодарна.

Через несколько минут Светлана вернулась с двумя чашками.

— Чай.

— Я уже выпила кофе.

— А это чай.

Она поставила чашку рядом с выкройками, отодвинула ножницы и направилась к своей машине.

Марина смотрела ей вслед.

За годы совместной работы они научились замечать друг в друге то, что оставалось незаметным посторонним. Светлана знала, когда Марина раздражена, хотя та почти никогда не повышала голоса. Марина видела, когда у Светланы болит спина, даже если та бодро уверяла, что всё прекрасно.

В последнее время они часто работали молча.

Сегодня это молчание оказалось особенно кстати.

Около одиннадцати пришла молодая женщина с чёрным платьем.

Платье было дорогим, из плотного шёлка, с длинной молнией на спине. Марина сразу заметила, что его уже переделывали, причём неудачно: боковые швы стянулись, ткань возле талии слегка перекосилась.

Клиентка поставила на стол большой бумажный пакет и достала платье с осторожностью, с какой вынимают из коробки что-то хрупкое.

— Мне сказали, вы сможете исправить.

Марина осмотрела вещь.

— Посмотрим. Надеть сможете?

Женщина переоделась за ширмой, вышла и встала перед зеркалом.

Ей было около тридцати. Высокая, тонкая, с красивыми руками и чуть сутулыми плечами. Платье подчёркивало фигуру, но сидело неудобно: возле груди ткань натягивалась, а по спине проходила заметная складка.

— Видите? — спросила клиентка. — Оно ужасно.

— Само платье хорошее. Просто его неправильно подогнали.

Марина опустилась на колени и осторожно расправила ткань возле талии.

Женщина вздохнула.

— Я хотела надеть его на годовщину свадьбы.

— Когда годовщина?

— В субботу. Но, кажется, теперь уже неважно.

Марина подняла голову.

В зеркале женщина смотрела куда-то мимо собственного отражения.

— Муж вчера сказал, что ему нужно пожить отдельно, — произнесла она после короткой паузы. — Представляете? Семь лет вместе. И вдруг нужно пожить отдельно.

Марина молчала.

Она держала в пальцах складку ткани и чувствовала, как где-то внутри болезненно отзывается каждое слово.

— Простите, — сказала клиентка. — Не знаю, зачем я вам это рассказываю.

— Ничего.

— Наверное, платье уже не понадобится.

Марина поднялась.

— Давайте всё-таки исправим.

Женщина посмотрела на неё.

— Зачем?

Марина хотела ответить, что красивое платье не обязано существовать исключительно ради мужа. Но фраза показалась ей слишком нарочитой, похожей на совет из женского журнала.

Она осторожно расправила плечевой шов.

— Потому что вы его купили. И оно вам нравится.

Клиентка посмотрела в зеркало.

Потом кивнула.

— Нравится.

— Тогда оставляйте.

Когда женщина ушла, Марина еще некоторое время стояла у зеркала.

В ателье приносили разные вещи. Свадебные платья, которые надевали всего один раз. Пальто, доставшиеся от матерей. Детские костюмы, из которых давно выросли дети. Иногда приносили старую одежду, ремонт которой стоил дороже новой, но расстаться с ней не могли.

Марина никогда не задавала лишних вопросов. Люди сами рассказывали, если хотели.

Нитка зацепилась за сухую кожу у ногтя, и Марина вспомнила серый джемпер Виктора, который штопала прошлой зимой. Теперь эта маленькая штопка почему-то беспокоила её: она помнила каждый стежок, хотя никогда не могла припомнить, когда в последний раз муж заметил её новое платье.

Она вернулась к рабочему столу.

В обед позвонил Виктор.

Марина увидела его имя на экране и несколько секунд смотрела на него, не решаясь ответить.

Потом вышла в маленький коридор возле подсобки.

— Да.

— Привет. Ты на работе?

— Да.

Он помолчал.

— Как ты?

Вопрос прозвучал почти робко.

Марина прислонилась к стене.

— Работаю.

— Я понимаю. Просто хотел узнать.

За дверью мастерской застучала швейная машинка.

— Марин, нам нужно нормально поговорить.

Она закрыла глаза.

— Мы говорили в субботу.

— Тогда мы оба были на нервах.

— Виктор, я помню, о чем мы говорили.

Он тяжело вздохнул.

— Я не хочу, чтобы мы вот так расстались.

Марина посмотрела на потолок. Рядом с лампой виднелась тонкая трещина, которую они собирались заделать уже несколько месяцев.

Ей снова стало жаль мужа.

Она представляла, как он сейчас сидит где-нибудь в машине или в кабинете, держит в руках телефон и пытается подобрать правильные слова. Виктор плохо переносил неопределенность. Он любил, когда можно было договориться, принять решение, составить план.

Но именно его собственные поступки сделали их будущее неопределенным.

— Я сейчас не могу говорить, — сказала Марина.

— Вечером?

— Не знаю.

— Я могу приехать.

Она резко выпрямилась.

— Не надо.

В трубке стало тихо.

— Хорошо, — произнес Виктор. — Не приеду.

После разговора Марина еще некоторое время стояла в коридоре.

Ей хотелось позвонить ему снова.

Не для того, чтобы попросить вернуться. Просто сказать что-нибудь мягкое, смягчить резкость последнего слова, убедиться, что он не слишком обижен.

Она почти набрала номер.

Потом убрала телефон в карман.

Из мастерской позвала Светлана.

— Марин, посмотри, пожалуйста, рукав. Мне кажется, тут ткань косит.

Марина вернулась к работе.

После обеда приехала Валентина Борисовна.

Она вошла медленно, осторожно держась за дверную ручку, словно еще не совсем привыкла к собственному телу после болезни. На ней было светлое пальто, темный берет и мягкий шарф.

— Ну что, посмотрим, какую красавицу вы из меня сделали?

— Давайте примерим.

Марина помогла ей переодеться.

Светло-серое платье легло по фигуре совсем иначе, чем на первой примерке. Оно больше не подчёркивало болезненную худобу, а мягко повторяло линии тела. Изменённый вырез открывал шею, тонкие ключицы, небольшую родинку возле плеча.

Валентина Борисовна смотрела на себя долго.

Потом осторожно выпрямилась.

— Надо же.

Марина поправила ткань на спине.

— Не тянет?

— Нет.

— Руки поднимите.

Женщина послушно подняла руки.

— Удобно.

Она снова посмотрела в зеркало.

Марина заметила, что клиентка пытается улыбнуться, но у неё дрожит подбородок.

— Что-нибудь не так?

— Всё так.

Валентина Борисовна провела ладонью по передней части платья.

— Я раньше думала, что в моём возрасте уже не стоит покупать красивые вещи. Куда их носить? Для кого?

Она немного помолчала.

— А потом лежала в больнице и очень жалела, что так и не купила красные туфли. Представляете, какая глупость? Врачи бегают, аппараты пищат, а я думаю про красные туфли.

Марина невольно улыбнулась.

— Купили?

— Конечно. Они у меня в коробке стоят. Муж говорит, слишком яркие.

— А вам нравятся?

— Очень.

— Тогда надевайте к платью.

Валентина Борисовна рассмеялась.

Смех получился хрипловатым, неровным. Она быстро прикрыла рот ладонью, словно смутившись от собственной радости.

Марина посмотрела на нее и почувствовала неожиданную нежность.

Когда клиентка ушла, Светлана подошла к Марине с чашкой кофе.

— Хорошее платье получилось.

— Да.

— Особенно вырез.

Марина кивнула.

Светлана немного помолчала.

— Ты сегодня какая-то не своя.

Марина взяла чашку.

Она не собиралась ничего рассказывать.

Но вдруг поняла, что не хочет весь день отвечать на вопросы одной и той же короткой фразой.

— Мы с Виктором расходимся.

Светлана не ахнула.

Не стала спрашивать, что произошло.

Она только медленно поставила свою чашку на стол.

— Давно решили?

— В субботу.

— Понятно.

За стеной шумела машина для отпаривания.

Марина ждала привычного вопроса: почему, из-за чего, нельзя ли всё исправить.

Светлана долго молчала.

Потом спросила:

— Ты сегодня обедала?

Марина отрицательно покачала головой.

— Тогда садись. Я принесла пирог.

Она достала из сумки контейнер с яблочным пирогом, разрезала его на две части и пододвинула одну Марине.

Они ели молча.

Пирог получился суховатым, с толстой корочкой и крупными кусочками яблок. Светлана испекла его по рецепту своей матери, ничего не взвешивая и каждый раз утверждая, что получилось хуже обычного.

Марина съела весь кусок.

Ей вдруг стало легче.

Не от разговора и не от сочувствия.

Просто кто-то заметил, что она целый день ничего не ела.

Работа закончилась около семи.

Светлана ушла первой, напомнив, что завтра нужно заказать новую партию молний. Марина еще какое-то время разбирала заказы, проверяла даты примерок, складывала остатки тканей.

В мастерской постепенно стало тихо.

На улице стемнело. В соседнем магазине погасили витрину, над тротуаром загорелся фонарь.

Марина собиралась выключить свет, когда заметила под раскройным столом старую картонную коробку.

Она не сразу вспомнила, что в ней.

Коробка стояла там несколько лет, задвинутая к стене, между рулонами подкладочной ткани и запасной гладильной доской.

Марина наклонилась, вытащила её и подняла крышку.

Внутри лежали старые выкройки, журналы мод, несколько пожелтевших фотографий и папка из плотного синего картона.

Та самая.

Она узнала её сразу.

У папки был надорван нижний угол, а на обложке сохранился бледный след от наклейки, которую Марина когда-то пыталась оторвать.

Она вынула папку и положила на стол.

Несколько секунд просто смотрела.

Потом развязала тесёмки.

Внутри лежали рисунки.

Платья, пальто, театральные костюмы. Женские фигуры с длинными шеями, тонкими запястьями, неправдоподобно высокими причёсками. Некоторые листы были выполнены карандашом, другие раскрашены акварелью.

Марина осторожно подняла один рисунок.

На нём была женщина в длинном тёмно-зелёном платье с узкими рукавами и сложной вышивкой по вороту. Ткань струилась вокруг ног, а лицо оставалось едва намеченным, словно художницу больше интересовала сама линия движения.

Марина помнила этот рисунок.

Она сделала его в девятнадцать лет, после поездки в театр. Тогда ей казалось, что нет ничего прекраснее костюмов, способных рассказать о человеке раньше, чем он произнесёт первое слово.

Она мечтала учиться в большом городе, работать в театре, придумывать платья для героинь, которых ещё никто не видел.

Её преподавательница, Зоя Михайловна, однажды сказала:

— У тебя хороший глаз, Марина. Только ты всё время боишься испортить рисунок.

Марина тогда рассмеялась.

— Разве это плохо?

— Плохо, если из-за этого ты перестаёшь рисовать.

Она не вспоминала об этом разговоре много лет.

Теперь, стоя в пустой мастерской, Марина вдруг отчётливо услышала голос Зои Михайловны — низкий, немного хриплый, с привычной насмешкой.

В папке нашлось ещё несколько рисунков.

Один был особенно странным: небольшой дом у воды, с высокой крышей, деревянной верандой и окнами, за которыми горел свет. Возле дома стояла женская фигура в длинном плаще.

Марина нахмурилась.

Она совсем забыла об этом рисунке.

На обороте карандашом было написано: «Дом, в который хочется возвращаться».

Почерк был её собственный — крупный, немного неровный, с длинными хвостиками букв.

Марина провела подушечкой пальца по неровной карандашной линии. Почерк казался чужим и до странности знакомым одновременно.

В девятнадцать лет ей нравились красивые названия.

Она любила придумывать истории, которые никогда не записывала. Иногда рисовала целые дома, где должны были жить её героини, представляла комнаты, мебель, старые фотографии на стенах.

У этого дома тоже была история.

Марина вспомнила лето, озеро, деревянные ступени старой гостиницы, где она проводила каникулы у тёти Нины.

Наверное, рисунок появился после одной из тех поездок.

Она коснулась края листа.

Бумага стала ломкой, углы слегка загнулись. Карандашные линии кое-где побледнели, но рисунок сохранился.

Марина неожиданно подумала, что все эти годы он лежал здесь, среди ненужных выкроек, пока она жила, работала, растила дочь, заботилась о семье.

Когда-то она собиралась вернуться к нему.

Потом появились более важные дела.

Она не помнила момента, когда окончательно отказалась от мечты.

Не было дня, когда она решительно простилась с этими рисунками. Одно платье срочно понадобилось клиентке, потом Соня заболела перед школьным праздником, затем закончился отпуск и начались счета. Папка сперва лежала на столе, мешала раскраивать ткань, а однажды оказалась в коробке под ним. Кто-то придвинул сверху гладильную доску. Марина не помнила даже кто.

Марина села на стул.

Ей не было жаль прожитой жизни. Она любила свою работу, гордилась ателье, радовалась тому, какой выросла Соня.

Но сейчас ей впервые стало обидно за ту девятнадцатилетнюю девушку, которая так уверенно рисовала дома у озера и представляла себе будущее.

Не потому, что жизнь сложилась неправильно.

Потому, что в какой-то момент Марина перестала спрашивать её, чего она хочет.

Домой она вернулась после восьми.

На кухне оставалась чистая посуда, которую они с Соней расставили накануне. На столе лежал список покупок, написанный её собственной рукой.

Марина сняла пальто, разогрела суп и поужинала.

Телефон несколько раз загорался сообщениями, но она не сразу взяла его.

Одно было от Сони: дочь спрашивала, как прошёл день.

Другое — от клиентки, которая хотела перенести примерку.

Третье — от Виктора.

«Я забыл у тебя документы. Можно завтра заехать?»

Марина ответила, что оставит их в прихожей и напишет, когда будет дома.

После этого она открыла Сонино сообщение.

«Нормально. Много работы. Нашла старые рисунки».

Ответ пришёл почти сразу.

«Те самые? Покажи!»

Марина сфотографировала несколько листов и отправила дочери.

Соня долго не отвечала.

Потом позвонила.

— Мам, ты серьёзно это рисовала?

— А что?

— Они же потрясающие!

Марина почувствовала неловкую гордость: дочь рассматривала эскизы так, будто в них не было ничего давнего и незначительного.

— Сонь, это старые ученические работы.

— Какая разница? Особенно платье с зелёной вышивкой. Ты почему мне раньше не показывала?

Марина посмотрела на разложенные перед ней листы.

— Не знаю. Забыла, наверное.

Соня помолчала.

— Мам, ты странная.

— Спасибо.

— Нет, правда. Ты столько лет шьёшь другим людям, а у самой такие рисунки лежат в коробке.

Марина хотела ответить, что жизнь устроена сложнее, что существуют обязанности, работа, деньги, ответственность.

Но вдруг поняла, что дочь и без неё всё это узнает.

Не обязательно заранее объяснять ей, почему некоторые мечты не осуществляются.

— Может быть, я снова попробую, — сказала Марина.

Соня радостно засмеялась.

— Вот! Это уже разговор.

После звонка Марина ещё долго сидела за столом.

Она рассматривала рисунки при свете кухонной лампы. Теперь ей было видно, сколько в них ошибок. Неверные пропорции, слишком тяжёлые складки, неуверенные линии. Преподавательница наверняка нашла бы, к чему придраться.

Но среди этих недостатков было что-то, чего Марина не замечала раньше.

На одном листе складки шли против всяких правил, и платье наверняка невозможно было бы сшить из такой ткани. Девятнадцатилетняя Марина этого не испугалась. Теперешняя провела пальцем вдоль непослушной линии, прикидывая, можно ли заставить ткань лечь так, как было задумано.

Марина поднялась, достала из ящика простой карандаш и чистый лист бумаги.

Села обратно.

Сначала хотела нарисовать платье.

Провела несколько линий, стёрла их, попробовала снова. Рука двигалась неловко. Карандаш казался слишком лёгким, бумага — непривычно гладкой.

Марина раздражённо отложила его.

Потом посмотрела на рисунок дома у озера.

И неожиданно начала рисовать окно.

Самое обыкновенное, деревянное, с двумя створками и широкой нижней рамой.

Она не знала, зачем выбрала именно его.

Нарисовала подоконник, тонкую занавеску, ручку. Потом добавила несколько линий, обозначавших дождь за стеклом.

Получилось не слишком хорошо.

Марина наклонила голову, оценивая рисунок.

Потом перевернула лист и попробовала снова.

За окном шумели машины, где-то в соседней квартире работал телевизор. Чайник давно остыл.

Она просидела за столом почти час.

Когда поднялась, затекла шея, а на среднем пальце остался серый след от карандаша.

Марина посмотрела на него и неожиданно вспомнила, как в училище постоянно пачкала руки графитом. Тогда мать ругала её за испорченные рукава, а отец шутил, что она скоро вся станет чёрной от своих рисунков.

Она улыбнулась воспоминанию.

В квартире было тихо.

Но теперь эта тишина не казалась пустой.

На столе лежали старые рисунки и два новых, не слишком удачных наброска.

Марина собрала листы, вложила их в синюю папку и оставила её возле окна.

Не убрала обратно в коробку.

Перед сном она прошла в спальню и открыла шкаф.

На верхней полке всё ещё оставалось свободное место после вещей Виктора. Некоторые его рубашки висели на прежних плечиках, несколько галстуков лежали в ящике.

Марина посмотрела на них без прежнего напряжения.

Она пока не знала, когда муж заберёт остальное.

Не знала, как будет устроена их жизнь через месяц, как отнесётся к разводу мать, что скажут знакомые.

Она даже не знала, получится ли у неё снова рисовать так, как когда-то хотелось.

Но среди этих вопросов появился один, который она не собиралась никому задавать: какими станут её следующие рисунки?

Марина закрыла шкаф.

На комоде лежала старая фотография, где они с Виктором и Соней стояли у моря.

Она не стала её убирать.

Пока не хотелось.

Вместо этого подошла к окну и чуть раздвинула шторы.

Во дворе горели несколько фонарей. Мокрые ветви дерева чернели на фоне соседнего дома. За одним из окон женщина гладила рубашку, наклоняясь над доской. В другом мужчина держал на руках ребёнка.

Обыкновенная жизнь продолжалась за чужими стёклами.

Марина вспомнила рисунок, сделанный сегодня вечером.

Окно получилось неровным. Правая створка была чуть шире левой, линия подоконника уходила вниз. Завтра она могла бы всё исправить.

А могла оставить как есть и нарисовать другое.

Она погасила свет и легла.

Перед сном она подумала, что в субботу, если не будет срочных заказов, можно сходить в художественный магазин. Посмотреть бумагу, карандаши, краски.

Марина давно не позволяла себе тратить деньги на вещи, которые не имели очевидного практического назначения. Теперь уже прикидывала, найдётся ли там густая синяя краска, с которой ей хотелось попробовать работать.

Глава 5. Не выноси сор из избы

Галина Петровна узнала о случившемся во вторник утром.

Марина собиралась на работу, когда зазвонил телефон. Она стояла перед зеркалом в прихожей, пытаясь завязать шарф так, чтобы он не выглядывал из-под воротника пальто. Узел получался слишком тугим, Марина распускала его и начинала заново.

На экране высветилось «Мама».

Звонки в половине восьмого обычно означали, что у Галины Петровны возникло какое-то неотложное дело. Закончились таблетки, перестал включаться телевизор, соседка сверху опять затопила ванную. Иногда мама звонила просто потому, что с утра вспомнила о чем-то важном, а ждать до вечера не хотела.

— Марина, что у тебя происходит?

Ни приветствия, ни обычного вопроса, не простудилась ли дочь.

Марина отпустила шарф.

— Доброе утро, мам.

— Не надо мне доброго утра. Виктор вчера звонил.

Марина посмотрела на свое отражение.

Она заранее знала, что этот разговор состоится. И все же почувствовала неприятное удивление. Виктор прожил отдельно от нее всего две ночи, а уже успел обратиться к человеку, который двадцать два года считал их брак чуть ли не своим достижением.

— Что он тебе сказал?

— Что вы поссорились. Что ты выгнала его из дома и не хочешь разговаривать.

Марина поправила воротник пальто.

— Мы не просто поссорились.

— Ну так объясни мне. Я всю ночь не спала.

Галина Петровна всегда плохо спала, когда волновалась. Марина с детства помнила ее утренние жалобы на тяжесть в голове, сердцебиение и давление. После таких ночей мать говорила особенно резко, словно окружающие были обязаны компенсировать ей потерянный сон.

— Мам, я сейчас опаздываю на работу.

— А вечером ты, конечно, будешь занята. Как всегда.

Марина закрыла глаза.

Она могла бы сказать, что перезвонит. Могла бы закончить разговор и действительно уйти. Но представила мать одну на кухне, возле маленького радиоприемника, в старом бордовом халате, и ей стало неловко.

— У Виктора другая женщина, — произнесла она.

На другом конце провода стало тихо.

Марина услышала, как мать что-то перекладывает на столе.

— Давно?

— Восемь месяцев.

Снова молчание.

— Он сам признался?

— Мне позвонила эта женщина. Потом мы поговорили.

— Господи, — сказала Галина Петровна.

Марина ждала.

Ей хотелось услышать хотя бы короткое «бедная моя девочка», хотя бы вопрос о том, как она себя чувствует. Не потому, что она привыкла жаловаться матери. Наоборот, Марина почти никогда не рассказывала ей о семейных трудностях. Но сейчас в ней неожиданно проснулась

детская надежда: мама узнает о случившемся, и, хотя она ничего не сможет исправить, рядом с ней станет немного легче.

— А ты зачем его сразу выгнала? — спросила Галина Петровна.

Марина медленно опустилась на банкетку.

— Что?

— Я спрашиваю, зачем ты его сразу выгнала. Можно же было сначала поговорить, разобраться.

— Мы разговаривали несколько часов.

— Несколько часов — это не разговор после двадцати двух лет брака.

Марина посмотрела на часы.

В ателье Светлана, наверное, уже включила чайник, достала из шкафа заказы, подготовила машину. К девяти должна была прийти клиентка с пальто.

— Мам, давай вечером.

— Приезжай ко мне. И спокойно поговорим.

Марина обещала приехать.

После звонка она еще какое-то время сидела, держа телефон на коленях.

Шарф так и остался развязанным.

Она сняла его, аккуратно сложила и убрала в сумку.

На улице было не так уж холодно.

Галина Петровна жила в той же квартире, куда семья переехала, когда Марине исполнилось двенадцать.

Дом стоял недалеко от старого парка. Пятиэтажный, кирпичный, с узкими балконами и тяжелыми подъездными дверями, которые летом распахивали настежь, а зимой приходилось тянуть на себя обеими руками.

После смерти мужа Галина Петровна категорически отказалась переезжать.

Виктор несколько раз предлагал купить ей небольшую квартиру в доме с лифтом, поближе к ним. Мать каждый раз обижалась.

— Мне здесь все знакомо. Я полжизни в этих стенах прожила.

Марина понимала ее.

В квартире сохранилось множество вещей, давно утративших практическое значение. На антресолях стояли лыжные ботинки отца, хотя самих лыж уже много лет не было. В серванте лежала хрустальная посуда, которую доставали только по большим праздникам. За стеклом книжного шкафа теснились старые собрания сочинений, медицинские справочники и несколько альбомов с фотографиями.

Галина Петровна знала место каждой вещи.

Если Марина во время уборки случайно переставляла вазу или коробку, мать тут же это замечала.

В тот вечер дверь открылась прежде, чем Марина успела позвонить во второй раз.

— Ну наконец-то. Я уж думала, ты не приедешь.

На матери было темно-синее платье из плотного трикотажа. Волосы аккуратно уложены, на губах — помада приглушенного розового цвета. Галина Петровна никогда не встречала гостей в домашней одежде, даже если гостем оказывалась ее собственная дочь.

Она поцеловала Марину в щеку и сразу внимательно оглядела ее.

— Ты похудела.

— Мам, за три дня невозможно так похудеть, чтобы это было заметно.

— Еще как возможно. У тебя осунулось лицо.

Марина сняла пальто.

Из кухни пахло жареным луком и укропом.

— Я котлеты приготовила, — сообщила мать. — Твои любимые. С пюре.

Марина посмотрела на сервированные с привычной тщательностью тарелки. Мать опять положила ей лучшую котлету — не спросив, голодна ли она.

Галина Петровна всегда готовила слишком много. После каждого визита дочь уносила домой контейнеры с едой, хотя и уверяла, что холодильник полон. Мать не верила. Ей казалось, что человек, который много работает, непременно питается всухомятку.

На кухонном столе лежала белая скатерть с вышитыми по краю цветами. Марина помнила ее с детства. На одном углу сохранилось небольшое жёлтое пятно от горячего утюга. Этой скатертью Галина Петровна много лет прикрывала хлебницу.

Марина села на привычное место у окна.

Мать поставила перед ней тарелку.

— Сначала поешь. Потом поговорим.

Марина взяла вилку.

Котлеты действительно были вкусными. Такими же, как двадцать или тридцать лет назад. Галина Петровна добавляла в фарш немного тертого кабачка и никогда не признавалась в этом гостям, потому что считала свой способ приготовления семейным секретом.

Марина съела почти половину, прежде чем мать снова заговорила.

— Виктор очень переживает.

Она отложила вилку.

— Откуда ты знаешь?

— Он мне звонил. Я же говорила.

— И что он сказал?

Галина Петровна поправила хлебницу.

— Что совершил глупость. Что не хочет терять семью. Что ты не даёшь ему ничего исправить.

Марина посмотрела на мать.

— Ты считаешь, что я должна дать?

— Я считаю, что не нужно рубить сплеча.

Эту фразу Марина слышала всю жизнь.

Ей говорили не рубить сплеча, когда она хотела бросить музыкальную школу, где преподавательница постоянно унижала учеников. Когда она собиралась поступать в другой город. Когда она решила открыть собственное ателье, хотя Виктор сомневался в успехе.

Галина Петровна не любила поспешных решений.

Вернее, она не любила решений, которые меняли привычный уклад жизни.

— Мам, он восемь месяцев встречался с другой женщиной.

— Я понимаю.

— Ты правда понимаешь?

Мать раздраженно посмотрела на нее.

— Марина, мне шестьдесят восемь лет. Не надо разговаривать со мной так, будто я ничего не вижу.

Марина опустила глаза.

На скатерти возле тарелки лежала крошка хлеба. Марина подхватила её кончиком пальца и положила на край тарелки.

— Тогда почему ты считаешь, что я должна его простить?

— Я не говорю, что должна. Но двадцать два года — это не шутки. У вас дочь. Общий дом. Все нажитое.

— Соня уже взрослая.

— Для родителей дети всегда остаются детьми.

Марина промолчала.

Галина Петровна придвинула к себе чашку.

— У мужчин такое бывает.

Марина медленно подняла голову.

— Что?

Мать поморщилась.

— Ты прекрасно понимаешь. Возраст. Кризис. Захотелось почувствовать себя молодым. Это еще не значит, что он разлюбил семью.

Марина смотрела на нее.

У матери было лицо женщины, привыкшей уверенно высказывать свое мнение. Густые брови, слегка опущенные уголки рта, прямая осанка. Даже сейчас, когда она говорила о предательстве Виктора, в ее голосе звучала не растерянность, а убежденность человека, который давно знает, как следует поступать.

— А если бы это я восемь месяцев встречалась с другим мужчиной?

Галина Петровна замерла.

— Что за сравнение?

— Обычное.

— Женщина — другое дело.

Марина слегка улыбнулась.

Не от веселья.

Просто иногда старые семейные правила становились настолько очевидными, что оставалось только удивляться, как долго она принимала их без вопросов.

— Почему?

Мать отложила салфетку.

— Потому что женщина отвечает за дом. За отношения. Мужчины устроены иначе.

Марина вспомнила Соню.

Ее резкий, совсем еще юный голос: «Я не виновата, что папа тебе изменял».

В двадцать один год дочь уже знала то, чему Марина училась сейчас, в сорок три: чужой поступок не становится твоей ответственностью только потому, что ты могла бы повести себя по-другому.

— Я тоже отвечала за этот дом, мам.

— Никто не спорит.

— И Виктор отвечал.

— Конечно.

— Тогда почему ты объясняешь мне, что я должна сохранить наш брак, а не ему — что он должен был сохранить верность?

Галина Петровна встала.

Подошла к плите, хотя всё уже было выключено, сняла крышку с кастрюли и снова положила.

Марина знала это движение.

Мать начинала заниматься кухонными делами всякий раз, когда разговор становился неприятным.

— Я просто хочу, чтобы ты не осталась одна.

Слова прозвучали неожиданно тихо.

Марина посмотрела на её спину.

Тёмное платье чуть натягивалось между лопатками. Волосы на затылке были седыми, хотя сверху мать старательно подкрашивала их.

Впервые за вечер Марина увидела не женщину, которая пытается распоряжаться ее судьбой, а стареющую мать, переживающую за дочь.

От этого стало еще тяжелее.

Марина смотрела на мать, на её аккуратную причёску, на руку, которая всё ещё придерживала крышку кастрюли. Злость не исчезла, но рядом с ней возникло сожаление: Галина Петровна, должно быть, и впрямь пугалась жизни, в которой женщине не за кого держаться.

Отец Марины умер девять лет назад.

Отец был человеком спокойным, немногословным. Работал инженером, любил рыбалку, старые фильмы и крепкий чай без сахара. В выходные мог часами возиться с каким-нибудь сломанным прибором, который любой другой давно бы выбросил.

Марина помнила его руки.

Крупные, с коротко подстриженными ногтями, вечно исцарапанные отвертками и металлическими деталями. Он умел чинить почти все, кроме старых отношений, о которых предпочитал не говорить.

Отец никогда не повышал на нее голос.

Но когда между Мариной и матерью возникали разногласия, он обычно говорил:

— Не спорь с мамой. Она же переживает.

В детстве Марина считала это проявлением мудрости.

Он не вмешивался в конфликты. Не вставал ни на чью сторону. Сохранял мир.

Только значительно позже она начала понимать, что мир иногда поддерживается за счет человека, который уступает первым.

После смерти отца Галина Петровна первое время совсем растерялась. Не могла разобраться с коммунальными платежами, боялась вызывать мастеров, забывала выключать свет в пустых комнатах. Марина приезжала почти каждый день, помогала с документами, возила мать к врачам, забирала продукты.

Виктор тогда не возражал.

Наоборот, несколько раз сам предлагал отвезти тещу в поликлинику.

Но постепенно помощь стала восприниматься как обязанность Марины, а ее собственные дела — как то, что можно отложить.

Она не возражала.

Мать оставалась одна. Конечно, ей было тяжелее.

Теперь, сидя за знакомым столом, Марина подумала, что за последние девять лет Галина Петровна почти ни разу не спросила, не слишком ли тяжело самой дочери.

Впрочем, и Марина ни разу не ответила бы честно.

Она всегда говорила, что все хорошо.

— Я ведь тоже не всегда была счастлива с твоим отцом, — неожиданно произнесла Галина Петровна.

Марина подняла глаза.

Мать вернулась к столу, но не села. Она стояла у окна, держась за спинку стула.

— У нас были разные периоды.

Марина молчала.

Она никогда не слышала от матери подобных признаний.

В детстве брак родителей казался ей чем-то незыблемым. Отец возвращался с работы, мать готовила ужин, по субботам они ездили за продуктами. Иногда они ссорились из-за денег или бытовых мелочей, но Марина не сомневалась, что все это не имеет отношения к их любви.

— Когда ты была маленькой, отец одно время собирался уйти с работы, — сказала мать. — Хотел заняться каким-то своим делом. С приятелем. Вложить деньги.

Марина смутно помнила этот период.

Отец часто разговаривал по телефону, куда-то ездил по вечерам. Потом все внезапно прекратилось.

— Я была против, — продолжила Галина Петровна. — У нас ребенок, квартира, кредит за мебель еще не выплачен. А он все мечтал.

Последнее слово она произнесла с легкой усмешкой.

Марина подумала о синей папке с рисунками.

— И что случилось?

— Ничего. Остался работать. Потом сам понял, что я была права.

Мать наконец села.

— Знаешь, сколько раз мне хотелось все бросить? Собрать вещи и уйти? Особенно в молодости.

Марина удивленно посмотрела на нее.

— Ты никогда об этом не говорила.

— А зачем? Кому от этого легче?

Галина Петровна разгладила скатерть.

— Семья, Марина, сама по себе не держится. Иногда нужно потерпеть. Иногда — промолчать.

Она произнесла это без пафоса, словно объясняла, как правильно варить картошку.

Марина вспомнила отца.

Его привычка засыпать перед телевизором. Старая куртка с прожженным рукавом. Как однажды он принес домой огромный букет полевых цветов, и мама рассердилась, потому что с них на скатерть сыпалась пыльца.

В тот вечер отец молча выбросил цветы.

Марина помнила это отчётливо, хотя тогда ей было лет четырнадцать.

Она никогда не думала, почему этот незначительный эпизод так хорошо сохранился в памяти.

— Мам, а ты не жалела?

Галина Петровна нахмурилась.

— О чём?

— Что иногда отказывалась от того, чего хотела.

Мать посмотрела на неё с искренним недоумением.

— Все от чего-нибудь отказываются.

— Я знаю.

— Нельзя прожить жизнь и получить всё.

Марина кивнула.

Это была правда.

И всё же между невозможностью получить всё и привычкой заранее отказываться от многого существовала разница, которую она только начинала замечать.

— Но можно хотя бы иногда выбирать самой, — сказала она.

Галина Петровна отвернулась.

— Ты сейчас говоришь как Соня.

Марина не стала спорить. Слова матери задели её именно потому, что сравнение с Соней было справедливым.

— Может быть.

Мать не ответила.

В кухне повисло тяжёлое молчание.

Из соседней комнаты доносилось тиканье настенных часов. Отец когда-то сам их починил, и Галина Петровна до сих пор каждое воскресенье заводила механизм.

Марина посмотрела в сторону дверного проема.

Часы шли немного медленнее обычных.

Она помнила, как смеялся отец, когда мать жаловалась на это.

— Зато всегда есть запас времени, — говорил он.

Сейчас эта шутка почему-то показалась Марине грустной.

После ужина мама принесла чай и достала из серванта коробку с печеньем.

— Возьми домой.

— Мам, у меня есть.

— Соня приедет, съест.

Марина не стала спорить.

Некоторое время они сидели молча. Галина Петровна рассказывала о соседке, которой недавно сделали операцию, о подорожавших лекарствах, о том, что в парке вырубили старую липу.

Марина слушала.

Ей было приятно, что разговор вернулся к обычным вещам. Приятно и в то же время немного больно: как будто все произошедшее можно отодвинуть в сторону, если достаточно долго обсуждать соседей и цены.

Когда Марина собралась уходить, мать проводила ее до прихожей.

— Виктор хороший человек, — сказала она, пока дочь надевала пальто.

Марина остановилась.

Галина Петровна держала в руках пакет с котлетами.

— Он всегда нам помогал. И твоего отца уважал. И Соню любил.

Марина взяла пакет.

— Я знаю, мам.

— Не каждый мужчина такой.

Она застегнула верхнюю пуговицу.

— Я тоже не каждый мужчина, — сказала Марина и тут же рассмеялась над своей нелепой фразой.

Галина Петровна не улыбнулась.

— Ты все в шутку переводишь.

Марина покачала головой.

— Нет. Просто ты перечисляешь его хорошие качества, как будто я их забыла. Я не забыла.

— Тогда почему...

— Потому что они не отменяют того, что он сделал.

Мать поджала губы.

— Ошибки бывают у всех.

— Бывают.

Марина долго смотрела на нее.

Она могла бы объяснить, что восемь месяцев тайных встреч нельзя назвать случайной ошибкой. Что предательство складывается из множества отдельных решений: солгать, скрыть, вернуться домой и вести себя как ни в чём не бывало.

Но понимала, что мать услышит лишь очередное доказательство её непримиримости.

— Мам, я тебя очень люблю, — сказала Марина. — Но разводиться или нет буду решать сама.

Галина Петровна посмотрела на неё так, словно дочь произнесла нечто совершенно неожиданное.

— Разве я тебе запрещаю?

— Нет.

— Тогда зачем так говоришь?

Марина вздохнула.

В этот момент она особенно ясно почувствовала, как сложно изменить отношения, существовавшие сорок три года.

Недостаточно однажды произнести правильные слова.

Другому человеку ещё нужно понять, что теперь за ними стоит.

— Просто хочу, чтобы ты меня услышала.

Мать молчала.

Марина поцеловала её в щёку.

Кожа Галины Петровны была сухой, пахла привычным кремом для лица и немного — пудрой. Этот запах Марина помнила с детства. Он сопровождал ее утренние пробуждения, сборы в школу, воскресные поездки к родственникам.

Ей вдруг захотелось крепче обнять маму.

Но Галина Петровна уже отстранилась, поправляя воротник пальто.

— Шарф надень. На улице холодно.

Марина послушно достала из сумки шарф.

И только выйдя на лестничную площадку, поняла, что сделала это машинально.

Она остановилась между этажами.

Посмотрела на шарф в руках.

Потом улыбнулась, обмотала его вокруг шеи и пошла вниз.

Не всякое материнское замечание требовало сопротивления.

Иногда на улице действительно было холодно.

На улице моросил дождь.

Марина дошла до остановки пешком, хотя могла вызвать такси. Ей хотелось немного побыть одной.

Витрины магазинов отражались в мокром асфальте, мимо проезжали машины, поднимая серую воду из неглубоких луж. Возле остановки двое подростков делили наушники и смеялись, наклоняясь друг к другу. Марина невольно посмотрела на них.

Ей вспомнилось собственное детство.

Не какое-то особенное событие, а обычный вечер, когда ей было лет пятнадцать и она вернулась домой позже обещанного. Мать ждала у окна, сердитая и испуганная. Марина тогда возмущалась, говорила, что уже взрослая, что все подруги гуляют дольше.

Отец сидел на кухне и молча читал газету.

После ссоры Марина заперлась в комнате и решила, что, когда вырастет, никогда не будет так обращаться со своим ребенком.

Позже она не раз ловила себя на тех же словах, обращенных к Соне.

«Надень шапку».

«Позвони, когда доберешься».

«Ты же понимаешь, что я переживаю».

Марина поймала себя на том, что в точности помнит интонацию, с которой мать произносила «Позвони, когда доберёшься». Собственным голосом она говорила Соне почти то же самое.

Марина подумала о матери.

Галина Петровна вышла замуж молодой. Потом родилась дочь, начались заботы, работа, бесконечные домашние дела. Мать редко рассказывала о своей юности. На фотографиях тех лет она выглядела красивой, немного серьезной женщиной с густыми волосами и тонкой талией.

На фотографии мать стояла чуть боком, словно собиралась выйти из кадра. Марина попыталась вспомнить хоть один разговор о том, чего ей самой когда-то хотелось. Вспомнились только рассказы о Маринином детстве, счета, огород, вечные хлопоты. Оказывается, о женщине на фотографии она знала меньше, чем о молодой портнихе из соседней мастерской.

Автобус подошел через несколько минут.

Марина села у окна, положила пакет с котлетами на колени и достала телефон.

На экране было сообщение от Виктора.

«Звонила твоя мама. Надеюсь, вы поговорили».

Марина перечитала его.

Ей стало неприятно.

Не из-за самого факта звонка. Галина Петровна и Виктор всегда хорошо относились друг к другу. Он помогал ей по хозяйству, возил к врачам, иногда привозил продукты. После смерти отца Марина была благодарна мужу за эту заботу.

Но сейчас их разговоры о ее браке происходили без нее.

Словно она оставалась человеком, которого нужно убедить, успокоить, направить к правильному решению.

Марина набрала:

«Поговорили. Прошу тебя больше не обсуждать наши отношения с моей мамой».

Она немного подумала и отправила сообщение.

Ответ пришел не сразу.

За окном проплывали знакомые улицы. Возле старого кинотеатра рабочие снимали рекламный плакат. Под ним обнаружилась выцветшая афиша прошлогоднего фильма.

Марина смотрела, как бумага отклеивается от стены длинными полосами.

Телефон завибрировал.

«Я просто хотел, чтобы она знала, что мне не всё равно».

Марина дочитала сообщение до конца, хотя уже на первых словах поняла, что Виктор опять рассказывает о собственных намерениях.

Она не сомневалась, что ему действительно не всё равно.

Но всё чаще замечала, как мало места в этих объяснениях остаётся для того, что чувствует она.

Марина убрала телефон.

Дома она обнаружила, что забыла купить хлеб.

На кухонном столе стояла пустая хлебница, рядом с плитой лежал список покупок. Марина сняла пальто, убрала котлеты в холодильник и некоторое время раздумывала, стоит ли возвращаться в магазин.

Раньше она бы обязательно вернулась.

Виктор любил ужинать с хлебом, особенно если на столе были котлеты. Марина привыкла следить за тем, чтобы хлеб не заканчивался. Несколько раз, уже поздно вечером, она спускалась в круглосуточный магазин, потому что муж вдруг обнаруживал, что дома нечего положить в суп.

Сейчас можно было обойтись без хлеба.

Она достала одну котлету, разогрела, нарезала помидор и села ужинать.

Котлета оказалась немного пересоленной.

В последнее время мама все чаще пересаливала еду, хотя раньше готовила почти безупречно. Уверяла, что соль сейчас какая-то не такая.

Марина не спорила.

Она ела медленно, прислушиваясь к звукам в квартире.

После ужина вымыла тарелку и прошла в гостиную.

На полке у окна стояли семейные фотографии. Рядом лежал небольшой деревянный ящик, который отец смастерил много лет назад. В нем хранились старые открытки, несколько ключей неизвестно от чего и письма.

Марина давно его не открывала.

Теперь ей неожиданно захотелось посмотреть.

Она достала ящик, поставила на стол и подняла крышку.

На самом верху лежала открытка с изображением осеннего парка. На обороте аккуратным почерком было написано:

«Галочка, с днём рождения. Пусть у тебя всегда будет возможность заниматься тем, что ты любишь. Сергей».

Марина замерла.

Открытка была датирована тем годом, когда ей исполнилось шесть.

Она несколько раз перечитала надпись.

Почерк отца был узнаваем: крупные буквы, немного неровные строчки, длинная черта под подписью.

Пусть у тебя всегда будет возможность заниматься тем, что ты любишь.

Марина попыталась вспомнить, чем именно хотела заниматься мать.

В молодости Галина Петровна работала библиотекарем. Потом, когда Марина пошла в школу, перешла в административный отдел районной поликлиники — там платили немного больше и график был удобнее.

Мать любила читать, но в последние годы все чаще говорила, что у нее устают глаза.

А еще она когда-то хорошо играла на пианино.

Марина вспомнила старый инструмент, который стоял в их первой квартире. Темный, тяжелый, с двумя клавишами, которые западали при нажатии. По воскресеньям мать иногда садилась за него и играла, пока отец читал газету.

Потом пианино продали перед переездом.

Марина не помнила, чтобы мать когда-нибудь снова играла.

Она положила открытку на стол.

Перед глазами возникла Галина Петровна — сегодняшняя, в синем платье, у кухонного окна. Женщина, которая говорила, что от всего нельзя получать удовольствие и иногда нужно терпеть.

Марина вдруг почувствовала не обиду, а щемящую нежность.

Возможно, мать действительно верила, что спасает дочь от одиночества.

Возможно, ей было страшно видеть, как Марина отказывается от того, ради чего она сама когда-то от многого отказалась.

Эта мысль не делала материнские слова менее болезненными.

Но позволяла услышать в них не только упрёк.

Поздно вечером Галина Петровна позвонила снова.

Марина уже переоделась ко сну и сидела в спальне с книгой.

— Ты доехала?

— Да, мам.

— Я все забыла спросить. Котлеты убрала в холодильник?

Марина заложила страницу пальцем.

— Убрала. Одну даже съела.

— Ну и хорошо.

Мать помолчала.

— Виктор звонил.

Марина закрыла книгу.

— Я знаю.

— Он очень переживает.

Она почувствовала, как возвращается прежняя усталость.

— Мам...

— Подожди. Я не об этом.

Марина замолчала.

Галина Петровна вздохнула.

— Я ему сказала, чтобы он сам с тобой разбирался.

Марина выпрямилась.

— Правда?

— А что мне еще делать? Вы взрослые люди.

В голосе матери звучала привычная суховатая строгость.

Но Марина услышала в нем что-то новое.

Мать произнесла эти слова так, будто они стоили ей немалого усилия. Марина не стала проверять, надолго ли хватит этого решения.

— Спасибо, мам.

— Только ты все равно не торопись, — добавила Галина Петровна.

Марина тихо рассмеялась.

— Хорошо.

— И завтра нормально поешь. А то опять весь день на своем кофе.

— Поем.

Они попрощались.

Марина положила телефон на тумбочку и некоторое время сидела, глядя на фотографию родителей, стоявшую возле зеркала.

Отец обнял мать за плечи. Она смотрела немного в сторону и улыбалась, словно фотограф отвлёк её от какого-то разговора.

Марина подумала, что однажды спросит о пианино.

Не сегодня.

Сегодня они обе устали.

Она выключила свет.

За окном шумел дождь.

В квартире было тихо, но эта тишина постепенно переставала казаться чужой.

Марина уже почти заснула, когда вспомнила слова матери: «Вы взрослые люди».

Прежде Галина Петровна произносила их обычно с упрёком, когда хотела подчеркнуть, что дочь ведёт себя недостаточно разумно.

Сегодня в этих словах впервые прозвучало что-то другое.

Возможно, мать сама ещё не понимала, что сказала.

В темноте Марина подумала, что и у матери была жизнь, о которой дочь знала далеко не всё. С этой мыслью она наконец уснула.

Глава 6. Наследство

В среду утром Марина получила письмо от нотариуса.

Оно пришло на электронную почту, которой она пользовалась главным образом для заказов. Среди счетов за ткани, фотографий клиентских платьев и рекламных предложений значилось незнакомое отправление с пометкой «Наследственное дело».

Марина открыла его не сразу.

На раскройном столе лежало пальто, которое нужно было закончить к пятнице. Клиентка просила заменить подкладку, сохранив старую, почти незаметную вышивку на внутренней стороне воротника. Марина уже дважды распарывала строчку: ткань оказалась слишком ветхой и расползалась под иглой.

Она сняла очки, потёрла переносицу и только тогда вернулась к компьютеру.

Письмо было составлено сухим, официальным языком. Сообщалось об открытии наследственного дела после смерти Нины Павловны Белозёровой. Марину просили связаться с нотариальной конторой по вопросу оформления наследственных прав.

Она прочитала письмо дважды.

Потом посмотрела на дату.

Тётя Нина умерла девять дней назад.

Марина откинулась на спинку стула.

Последний раз они разговаривали в конце августа. Тётя позвонила неожиданно, днём, когда Марина принимала поставку тканей. Голос у неё был обычный — немного низкий, с той особенной хрипотцой, которая появлялась, когда Нина Павловна долго молчала.

Она спрашивала о Соне, о работе, о здоровье Галины Петровны. Потом сказала, что лето выдалось дождливым, яблоки почти все побило, а в гостинице опять потекла крыша.

Марина предложила вызвать мастера.

Тётя рассердилась.

— Думаешь, я сама не догадаюсь?

Они немного поспорили, потом Нина Павловна засмеялась и попросила передать Соне, что обещанная книга всё ещё лежит на верхней полке в её кабинете.

Книга была старым иллюстрированным изданием сказок, которое Соня любила в детстве. Несколько лет назад она попросила тётю отдать его ей, но Нина Павловна сказала, что сначала девочка должна научиться аккуратно обращаться с чужими вещами.

Соне тогда исполнилось семнадцать.

Книгу она так и не получила.

Марина посмотрела на телефон, лежавший рядом с ножницами.

За последние два месяца тётя ни разу не позвонила. Марина тоже.

В октябре было много работы. Потом заболела Светлана, пришлось несколько дней вести ателье почти одной. Виктор всё чаще задерживался по вечерам. Марина беспокоилась, обижалась, пыталась разговаривать с ним, потом уставала от собственных подозрений.

Тётя Нина оставалась где-то на краю этой заполненной жизни — человеком, которому можно позвонить в любой момент.

Теперь звонить было некому.

Марина открыла переписку.

Последнее сообщение она отправила двадцать третьего августа:

«Тётя Нина, как крыша? Мастера нашли?»

Ответ пришёл на следующий день.

«Нашла. Всё хорошо. Не суетись».

Марина провела пальцем по экрану.

На этом, оказывается, закончилась их переписка.

Она положила телефон и долго сидела неподвижно.

Она поймала себя на обиде: почему ей никто не сообщил? Почти сразу вспомнилась собственная переписка, оборвавшаяся в августе. Марина перевернула телефон экраном вниз. Ей ещё предстояло позвонить в город у озера и узнать, кто проводил тётю Нину в последний путь.

* * *

Нина Павловна приходилась Марине двоюродной тётей по отцовской линии. В семье её всегда называли просто тётей Ниной, не уточняя степень родства.

Детей у неё не было. Замужем она когда-то состояла, но муж умер задолго до того, как Марина стала достаточно взрослой, чтобы расспрашивать о таких вещах.

Гостиница досталась Нине Павловне от родителей. Вернее, сначала это был большой деревянный дом у озера, построенный ещё до войны. В разные годы в нём жили родственники, останавливались знакомые, снимали комнаты приезжавшие на лето отдыхающие.

Постепенно дом превратился в небольшую гостиницу.

В детстве Марина проводила там почти каждое лето.

Она помнила запах нагретых солнцем половиц, скрип длинной лестницы, прохладу комнат на первом этаже. Помнила столовую, где за завтраком всегда было шумно, и большую медную миску, в которой тётя Нина подавала варенье.

Но лучше всего ей запомнилась веранда.

Она выходила в сад, спускавшийся к озеру. Деревянные перила были выкрашены светлой серо-зелёной краской, которая к концу каждого лета начинала шелушиться. На широких ступенях можно было сидеть часами, наблюдая за водой между яблонями.

Вечерами тётя Нина выносила туда чай.

Иногда приходили гости, иногда кто-нибудь из соседей. Разговоры затягивались до темноты, за деревьями начинали стрекотать сверчки, а Марина, устроившись в старом плетёном кресле, слушала взрослых и рисовала в тетради.

Тогда ей казалось, что жизнь устроена очень просто.

Днём можно купаться, вечером пить чай, а впереди обязательно произойдёт что-нибудь замечательное.

Последнее лето она провела у тёти в девятнадцать.

После этого приезжала редко.

Сначала учёба, потом работа, замужество, Соня. Иногда семья выбиралась к озеру на несколько дней. Виктору там было скучно: он не любил старую мебель, плохую связь и отсутствие привычных развлечений.

Нина Павловна относилась к нему вежливо, но с той холодноватой сдержанностью, которая означала, что человек ей не особенно нравится.

Однажды, когда Виктор предложил заменить старые деревянные окна пластиковыми, тётя сказала:

— В твоём доме делай что хочешь. А мои окна меня переживут.

Окна действительно пережили многое.

Теперь Марина не знала, сохранились ли они.

* * *

Она позвонила в нотариальную контору после обеда.

Женщина с усталым голосом объяснила порядок оформления документов и сообщила, что Нина Павловна оставила завещание.

Марина значилась наследницей гостиницы и земельного участка, на котором она стояла.

Некоторое время она не могла понять услышанного.

— Простите, — переспросила Марина. — Всей гостиницы?

— В завещании указано имущество, принадлежавшее наследодателю. Точный состав наследства уточняется при оформлении. Вам необходимо предоставить документы.

Женщина назвала перечень бумаг.

Марина записывала на обороте старой накладной, пропуская отдельные слова.

После разговора она ещё некоторое время смотрела на листок.

Внизу значилось: «Гостиница. Земля».

Эти два слова выглядели нелепо среди размеров ткани и номеров заказов.

Марина представила старое здание, дорожку к озеру, тяжёлую деревянную дверь с потемневшей латунной ручкой.

Ей никогда не приходило в голову, что однажды всё это может принадлежать ей.

И уж тем более не приходило в голову, что известие об этом вызовет не радость, а растерянность.

* * *

Вечером она позвонила матери.

Галина Петровна знала о смерти Нины Павловны.

Более того, знала уже неделю.

— Почему ты мне ничего не сказала? — спросила Марина.

Мать тяжело вздохнула.

— Я думала, тебе сообщили.

— Кто?

— Ну, из их города. Соседи. Она ведь там всю жизнь прожила.

Марина стояла возле кухонного окна.

— Мам, у тёти Нины не было детей. Кто должен был мне сообщить?

— Марина, я не знаю. Мне позвонила Тамара, её соседка. Сказала, что Нину похоронили. Я решила, что ты в курсе.

В голосе матери появилась обида.

Марина закрыла глаза.

Она не хотела ссориться.

Особенно сейчас, когда ещё не успела до конца осознать, что тёти больше нет.

— Ладно, мам. Я поняла.

— Ты только не начинай себя винить. Нина была женщина самостоятельная. Никого не хотела беспокоить.

Марина посмотрела на список документов.

— Она оставила мне гостиницу.

Галина Петровна замолчала.

Потом спросила:

— Всю?

— Да.

— Господи.

Марина невольно улыбнулась. Именно это слово мать произносила всякий раз, когда происходило что-нибудь неожиданное, независимо от того, хорошее или плохое.

— Что ты собираешься делать? — спросила Галина Петровна.

— Пока не знаю.

— Продавать, конечно.

Марина посмотрела на телефон.

— Почему конечно?

— А зачем тебе гостиница? У тебя ателье, квартира, работа. Ты представляешь, сколько с ней хлопот?

Марина ничего не ответила.

Мать продолжала:

— Там ведь всё старое. Нина последние годы едва справлялась. Крыша, отопление, какие-то постоянные ремонты. Она же каждый раз жаловалась.

Марина вспомнила августовское сообщение.

«Всё хорошо. Не суетись».

— Я сначала съезжу, посмотрю.

— Ну посмотри. Только не вздумай вкладывать туда деньги.

Марина сдержала привычное возражение: мать ещё не видела дома, но уже приготовилась защищать дочь от её собственного решения.

— Хорошо, мам.

— И Виктору скажи. Он в таких вопросах разбирается.

Марина ответила твёрже:

— Я сама разберусь.

— Да я же не спорю. Просто у него опыт.

— Мам.

Галина Петровна помолчала.

— Всё, молчу.

Но через несколько секунд всё-таки добавила:

— Ты хотя бы документы ему покажи.

Марина посмотрела на мокрое стекло.

За окном в свете фонаря медленно кружились первые снежинки. Они таяли, едва коснувшись асфальта.

— Я ещё не получила документы.

— Ну когда получишь.

Марина перевела разговор на здоровье матери.

Впервые за долгое время ей не захотелось объяснять, почему она собирается поступить иначе.

* * *

Виктор узнал о наследстве на следующий день.

Он приехал за документами, которые забыл после отъезда.

Марина оставила папку на тумбе в прихожей и собиралась ограничиться коротким разговором у двери, но Виктор вошёл, снял пальто и прошёл на кухню так естественно, словно ничего не изменилось.

Она не стала его останавливать.

Всё-таки он прожил здесь двадцать два года.

На кухне Виктор сразу заметил открытую коробку с чаем.

— Ты всё-таки решила разобрать шкафы?

— Да.

— Давно пора было.

Он произнёс это без задней мысли.

Марина почувствовала лёгкое раздражение.

Виктор никогда не разбирал кухонные шкафы. Обычно даже не знал, где лежит запасная соль. Но всегда охотно соглашался, что некоторыми домашними делами давно пора заняться.

Она поставила чайник.

Муж сел за стол.

— Как ты?

— Нормально.

— Работаешь?

— Да.

Он кивнул.

Марина заметила, что Виктор выглядит уставшим. Под глазами появились тени, воротник рубашки был слегка помят. Раньше она непременно обратила бы на это внимание, предложила погладить другую.

Теперь только подумала, что он, вероятно, плохо спит.

— У меня тётя умерла, — сказала она.

Виктор поднял голову.

— Какая?

— Нина Павловна. У озера.

— А. Та, у которой гостиница?

Марина кивнула.

— Когда?

— Вчера узнала. Похоронили раньше.

— Жалко. Хорошая была женщина.

Он немного помолчал.

— Хотя характер, конечно...

Марина не ответила.

Виктор вспомнил, как однажды Нина Павловна отказалась пустить его машину на газон возле гостиницы. Тогда он возмутился: места для парковки не было, а сумки оказались тяжёлыми. Тётя спокойно выслушала и предложила оставить автомобиль у ворот.

Виктор обижался почти весь вечер.

Теперь он рассказал эту историю с усмешкой.

Марина тоже помнила тот день.

Но совсем иначе.

Она помнила, как тётя после ужина вышла в сад и долго расправляла примятую траву. Как сказала, что её муж когда-то посадил там особый сорт клевера и она не хочет, чтобы машины превращали сад в стоянку.

Виктор об этом не знал.

— Она оставила мне гостиницу, — сказала Марина.

Виктор отставил чашку.

— Серьёзно?

— Да.

Он сразу оживился.

— Ну, это уже интересно.

Марина посмотрела на него.

Муж нахмурился, явно что-то прикидывая.

— Земля там хорошая. Почти у самого озера. Если участок оформлен нормально, можно выгодно продать.

— Наверное.

— Надо посмотреть документы. И оценку заказать.

Она молчала.

Виктор продолжал:

— Хотя сейчас рынок не самый простой. Но место неплохое. Если найти покупателя, можно выручить приличные деньги.

Он говорил привычным деловым тоном.

Марина знала этот тон. Виктор принимал многие решения быстро, уверенно, иногда ошибался, но редко сомневался вслух.

Раньше рядом с ним ей было спокойно.

Он разбирался в договорах, переговорах, кредитах. Умел разговаривать с людьми, которые казались Марине слишком уверенными и важными.

Теперь эта уверенность почему-то раздражала.

— Я сначала поеду туда, — сказала она.

— Конечно. Посмотрим вместе.

Марина подняла глаза.

— Я поеду одна.

Виктор замолчал.

Не обиделся сразу. Скорее удивился.

— Зачем одной? Я могу помочь.

— Спасибо. Но хочу сама посмотреть.

Он поставил чашку на стол.

— Марин, ну что за принципиальность? Мы же не чужие люди.

Она почувствовала знакомое желание объясняться.

Сказать, что не собирается его обижать. Что ценит предложенную помощь. Что просто хочет немного побыть одна.

Но вместо этого произнесла:

— Я знаю. И всё-таки поеду сама.

Виктор посмотрел на неё долгим взглядом.

— Ты изменилась за эти несколько дней.

Марина чуть улыбнулась.

— Не думаю.

— Раньше ты не стала бы так разговаривать.

Она подумала, что он, вероятно, прав.

И почему-то это не показалось ей упрёком.

* * *

После ухода Виктора Марина долго сидела на кухне.

Он забрал документы, обещал позвонить и на прощание попытался поцеловать её в щёку. Она невольно отстранилась.

Не резко.

Просто сделала маленький шаг назад.

Виктор заметил.

Его лицо на мгновение изменилось, но он ничего не сказал.

Теперь Марина вспоминала этот жест.

Когда-то прикосновения мужа были настолько привычными, что она почти не замечала их. Он мог положить руку ей на плечо, проходя мимо, поцеловать в висок, обнять со спины, пока она готовила ужин.

Последние годы всё это происходило реже.

Но сама привычка осталась.

И теперь её исчезновение ощущалось не столько как боль, сколько как необходимость заново научиться существовать в собственном пространстве.

Марина встала и подошла к книжному шкафу.

На верхней полке стоял небольшой альбом с фотографиями.

Она достала его.

На первых страницах были снимки из её детства. Марина с отцом возле реки. Марина в школьной форме. Летние каникулы у тёти Нины.

Она перелистывала страницы медленно.

На одной фотографии стояла перед гостиницей — лет шестнадцати, в коротком ситцевом платье, с косой через плечо. Рядом тётя Нина держала большую корзину яблок.

Марина вспомнила тот день.

В конце августа прошла сильная гроза. Ветер сбил почти все спелые яблоки, и тётя отправила её собирать их, пока плоды не начали портиться.

Марина ворчала.

Ей хотелось купаться, а не ползать под деревьями.

Нина Павловна принесла корзины, села на низкую скамейку и принялась сортировать яблоки. Повреждённые откладывала для варенья, хорошие складывала отдельно.

Марина тогда спросила, зачем тёте такая большая гостиница.

Работы много, отдыха почти нет, постоянно кто-то чего-то требует.

Нина Павловна не сразу ответила.

Потом сказала:

— А мне нравится, когда в доме люди.

Марина удивилась.

— Но они же всё время тебе мешают.

Тётя рассмеялась.

— Это тебе мешают. А мне нет.

Позднее, когда Марина стала старше, она начала понимать, что гостиница была для Нины Павловны не просто источником заработка.

В ней проходила вся её жизнь.

Сюда приезжали люди, здесь знакомились, ссорились, мирились. Дети вырастали, возвращались со своими детьми. Некоторые гости появлялись из года в год, другие исчезали навсегда.

Тётя знала множество чужих историй.

И почти никогда не рассказывала собственную.

Марина закрыла альбом.

Она вдруг почувствовала сильное желание снова увидеть тот дом.

Не ради осмотра перед продажей. Ей хотелось войти через знакомую тяжёлую дверь, прежде чем кто-нибудь начнёт называть стоимость окон, крыши и земли.

Пройти по коридору, где пахло старым деревом. Открыть окно в комнате на втором этаже. Посмотреть, сохранилась ли веранда.

И, возможно, впервые за много лет побыть там не гостьей, которой через несколько дней пора возвращаться домой.

* * *

В пятницу Марина сказала Светлане, что на следующей неделе ей придётся уехать на несколько дней.

Светлана выслушала спокойно.

— Надолго?

— Пока не знаю. Думаю, дня на три-четыре.

— Разберёмся.

Марина начала объяснять, какие заказы необходимо закончить, кому позвонить, когда должна приехать поставка.

Светлана остановила её:

— Марин, я здесь восемнадцать лет работаю. Не первый раз без тебя остаюсь.

Марина смутилась.

— Я знаю.

— Вот и хорошо.

Она вернулась к швейной машине.

Через минуту добавила:

— Ты только телефон иногда бери. А то в прошлый раз уехала и полдня была недоступна.

Марина потянулась за катушкой ниток.

В прошлый раз она ездила с Соней выбирать общежитие. Телефон разрядился, и Светлана почти час не могла узнать, где лежит заказанная подкладка.

— Буду брать.

После обеда Марина зашла в магазин художественных принадлежностей.

Она собиралась купить несколько простых карандашей и бумагу, но задержалась почти на час.

Рассматривала альбомы, кисти, коробки с красками. Трогала пальцами плотные листы бумаги, проверяла мягкость карандашей, сравнивала оттенки акварели.

Продавщица предложила набор для начинающих.

Маринаотказалась.

Она знала, что ей нужно.

И это знание неожиданно обрадовало её.

Она выбрала небольшой альбом с плотной бумагой, несколько карандашей разной мягкости и коробку акварели.

Дома разложила покупки на столе.

Потом достала синюю папку.

Старый рисунок дома у озера лежал между двумя эскизами платьев.

Марина положила его рядом с новым альбомом.

В рисунке было много неточностей. Окна располагались слишком высоко, крыша получилась неправдоподобно крутой, деревья напоминали пушистые облака на тонких ножках.

Но дом она узнала бы где угодно.

Особенно веранду.

Марина провела пальцем по карандашным перилам.

Завтра можно было начать собирать вещи.

* * *

В субботу приехала Соня.

Она привезла пакет с продуктами, коробку пирожных и неожиданно хорошее настроение.

— Мам, я подумала, что тебе нужна компания.

Марина открыла дверь шире.

— Проходи.

Соня сразу заметила покупки из художественного магазина.

— Ого.

Она взяла коробку акварели.

— Ты всё-таки купила!

— Купила.

— И уже рисовала?

— Пока нет.

Соня открыла альбом, провела пальцем по чистой странице.

— Красота.

Марина улыбнулась.

Они пили чай на кухне. Соня рассказывала о занятиях, о подруге Алисе, о преподавателе, который умудрялся ставить студентам оценки за посещаемость даже тогда, когда сам опаздывал на лекции.

Марина слушала с удовольствием.

Потом рассказала о тёте Нине.

Соня замолчала.

— Она умерла?

— Да.

Дочь опустила глаза.

— А я ведь так и не приехала к ней летом.

Марина почувствовала знакомый укол.

— Я тоже.

Некоторое время они сидели молча.

Потом Соня спросила:

— А гостиница теперь твоя?

— Похоже, что да. Нужно оформить документы.

— Ты её продашь?

Марина посмотрела на дочь.

В этом вопросе не было той уверенности, с какой его задавали мать и Виктор. Соня просто хотела знать.

— Пока не решила.

— А можно я когда-нибудь туда приеду?

Марина улыбнулась.

— Конечно.

— Я почти ничего не помню. Только яблони. И лестницу, которая скрипела.

— Она, наверное, до сих пор скрипит.

Соня задумалась.

— А ещё тётя Нина всегда ругалась, когда я брала печенье до обеда.

— Она всех ругала.

— Но потом всё равно давала.

Они рассмеялись.

Марина вдруг увидела гостиницу глазами дочери.

Для неё это было место детских воспоминаний, почти сказочное, существовавшее где-то далеко от повседневной жизни.

Марина подумала, что, возможно, и сама до сих пор воспринимает его так же.

Она не знала, каким увидит дом теперь.

* * *

В воскресенье Марина начала собираться.

Она достала небольшой дорожный чемодан из кладовой. Не тот, с которым уехал Виктор. Этот был старым, тёмно-синим, с потёртой ручкой и сломанным боковым карманом.

Марина давно собиралась его выбросить.

Теперь решила, что для короткой поездки он вполне подойдёт.

Она сложила тёплый свитер, несколько футболок, удобные брюки, бельё. Добавила старые ботинки, в которых можно ходить по мокрому саду.

Потом положила альбом и карандаши.

Остановилась.

Подумала и достала из шкафа ещё один свитер — мягкий, светло-бежевый, который почти не носила.

Почему-то ей хотелось взять именно его.

Вечером позвонила мать.

— Ты уже собралась?

— Почти.

— Когда выезжаешь?

— Завтра утром.

— Одна?

Марина улыбнулась.

— Одна, мам.

Галина Петровна вздохнула.

— Ну смотри. Там сейчас холодно. И дом, наверное, не отапливается толком.

— Возьму тёплые вещи.

— И лекарства положи.

— Положу.

Мать немного помолчала.

— Ты тётю Нину всё-таки любила.

Марина села на край кровати.

— Конечно.

— Она была непростая женщина.

— Знаю.

— Но тебя всегда выделяла.

Марина посмотрела на раскрытый чемодан.

— Почему?

Галина Петровна пожала плечами — это было слышно даже по телефону.

— Наверное, потому что ты на неё похожа.

Марина удивилась.

— Я?

— Ну да. Такая же упрямая. Если что-нибудь решила, не переубедишь.

Марина невольно рассмеялась.

— Ты всю жизнь говорила, что я слишком уступчивая.

— Одно другому не мешает, — отрезала мать.

После разговора Марина ещё некоторое время сидела неподвижно.

Она никогда не считала себя похожей на тётю Нину.

Та казалась ей человеком совершенно другого склада: независимым, резким, уверенным в собственных решениях. Марина же большую часть жизни старалась никого не обидеть и всем угодить.

Но, возможно, мать заметила что-то, чего она сама в себе не видела.

Или просто хотела сказать дочери что-нибудь хорошее, не умея подобрать подходящих слов.

* * *

Ночью Марина долго не могла уснуть.

Не из-за Виктора.

Она думала о дороге.

О городе, в котором не была несколько лет. О старой гостинице, о тётиных вещах, о комнатах, куда теперь придётся входить без её разрешения.

Ей было странно представлять, что она откроет дверь собственным ключом.

Не постучит.

Не услышит из глубины коридора знакомое:

«Кто там ещё?»

Не увидит тётю Нину, выходящую из столовой с полотенцем в руках.

Марина повернулась на другой бок.

За окном шёл дождь.

Она вспомнила летний вечер много лет назад.

Тётя Нина сидела на веранде, чистила яблоки для пирога. Марина устроилась рядом с альбомом, рисовала озеро и дальний берег.

Тогда ей было девятнадцать.

В тот вечер она ждала звонка.

Телефон стоял в коридоре, старый, с длинным проводом. Каждый раз, когда раздавался звонок, Марина вскакивала и бежала к нему.

Тётя Нина делала вид, что не замечает.

Только однажды сказала:

— Ты хоть яблоко съешь. А то весь день ничего не ела.

Марина помнила, как отмахнулась.

Она ждала Андрея.

Он обещал позвонить вечером.

И позвонил.

Они разговаривали долго, хотя почти ничего важного не говорили. Андрей рассказывал о работе, о том, что удалось договориться с жильём в другом городе. Марина смеялась, представляя их будущую комнату, маленькую кухню, окна на незнакомую улицу.

Тогда ей казалось, что самое трудное уже позади.

Оставалось только уехать.

Марина открыла глаза.

В комнате было темно.

Она не вспоминала Андрея много лет — во всяком случае, старалась не вспоминать. Юность постепенно отступила в ту часть памяти, где события существуют отдельно от настоящей жизни.

Но теперь, думая о гостинице, она неожиданно вспомнила его голос.

Не лицо.

Не прикосновения.

Именно голос — молодой, чуть хриплый после долгих разговоров, с привычной торопливостью, когда он начинал рассказывать о чём-нибудь, что его увлекало.

Марина полежала ещё немного.

Потом повернулась к окну.

Завтра ей предстояла дорога.

Она ехала не за воспоминаниями и уж тем более не за прошлой любовью.

Нужно было разобраться с наследством, посмотреть гостиницу, решить, что делать дальше.

Всё вполне разумно.

И всё же где-то под этой разумностью жило другое чувство.

Не радость.

Не тревога.

Скорее тихое ожидание, которому она пока не умела дать название.

Марина закрыла глаза.

За окном дождь постепенно стихал.

* * *

Утром она проснулась раньше будильника.

В квартире было прохладно. На кухне пахло кофе, который она только что сварила, и свежим хлебом — вечером всё-таки зашла в магазин.

Марина позавтракала, проверила документы, положила телефон в сумку.

Перед выходом задержалась возле зеркала.

На ней были тёмные брюки, светлый свитер и длинное пальто. Волосы она собрала в привычный низкий узел.

Марина посмотрела на своё отражение.

За последнюю неделю лицо действительно изменилось. Под глазами появились тени, возле губ обозначились две новые складки. Возможно, мать была права: она похудела.

Но в выражении глаз возникло что-то непривычное.

Она не сразу поняла, что именно.

Потом вспомнила, как много лет назад собиралась уезжать из родительского дома.

Тогда ей тоже было страшно.

И тоже казалось, что впереди начинается жизнь, о которой она пока ничего не знает.

Марина взяла чемодан.

У двери оглянулась.

Квартира оставалась прежней.

Чистая кухня, закрытые шкафы, семейные фотографии на полках. На тумбе лежали ключи Виктора, которые он почему-то так и не забрал.

Марина не стала их трогать.

Она выключила свет и закрыла дверь.

На лестничной площадке пахло свежей краской: соседи недавно покрасили перила.

Марина поправила сумку на плече и пошла вниз.

Впереди была дорога к озеру.

Она ещё не знала, что именно найдёт в старом доме.

Впервые за долгое время она никому не оставила подробного объяснения, почему эта поездка необходима. Чемодан ударился о ступеньку; Марина перехватила ручку поудобнее и продолжила спускаться.

Глава 7. Город у озера

Дорога оказалась длиннее, чем Марина помнила.

Первые два часа она ехала по знакомой трассе, мимо придорожных кафе, заправок и посёлков, названия которых почти не изменились за последние двадцать лет. Потом свернула на узкую дорогу, уходившую между лесистыми холмами. Здесь асфальт был старым, местами потрескавшимся, а после недавних дождей в выбоинах стояла мутная вода.

Марина сбавила скорость.

Слева тянулись поля, с которых уже убрали урожай. На тёмной земле лежали редкие полосы снега, выпавшего ночью и не успевшего растаять в тени. У края дороги стоял одинокий трактор с поднятым ковшом. В кабине никого не было.

Она помнила эти места другими.

Летом поля казались бесконечными, вдоль дороги цвели высокие белые цветы, а воздух был таким тёплым, что даже через открытое окно автомобиля чувствовался запах нагретой травы.

Они ездили сюда с отцом.

Сначала на старом синем «Москвиче», который плохо заводился после дождя, потом на подержанной иномарке. Отец любил останавливаться у придорожного родника, говорил, что здесь самая вкусная вода во всей области, и неизменно наполнял несколько пластиковых бутылок.

Мать ворчала, что вода неизвестно откуда течёт и пить её опасно.

Отец смеялся, обещал прожить до ста лет и всё равно набирал воду.

Однажды отец доверил ей самой держать бутылку под струёй. Вода оказалась ледяной, пальцы быстро онемели, но она терпела, потому что отец доверил ей важное дело.

Теперь у того места стояла металлическая ограда.

Родник, вероятно, давно закрыли.

Она проехала мимо, почувствовав неожиданное сожаление.

В последние дни Марина всё чаще замечала, как легко память сохраняет незначительные подробности и как неохотно возвращает действительно важные события. Она могла вспомнить вкус воды из родника, цвет отцовской куртки, шершавую поверхность автомобильного сиденья. Но уже с трудом представляла, о чём они разговаривали в те летние поездки.

Отец умер девять лет назад.

Порой Марине казалось, что он просто надолго уехал и однажды снова позвонит, чтобы спросить, не нужно ли ей чего-нибудь починить.

Она включила радио.

Несколько минут слушала незнакомую песню, потом переключила станцию. По другой программе обсуждали какие-то городские новости, по третьей передавали прогноз погоды.

Марина выключила приёмник.

Ей не хотелось заполнять тишину.

Впереди начинался лес.

* * *

Город появился неожиданно.

После очередного поворота деревья расступились, и Марина увидела знакомую водонапорную башню из красного кирпича. За ней поднимались крыши невысоких домов, белела колокольня старой церкви, а дальше, между зданиями, лежало озеро.

В ноябре оно выглядело совсем иначе.

Свинцовая вода почти сливалась с небом. На дальнем берегу тянулась тёмная полоса леса, над которой неподвижно висели низкие облака. От летней голубизны, сохранившейся на детских фотографиях, не осталось ничего.

Марина остановилась возле указателя.

Название города было написано крупными белыми буквами на синем фоне.

Она смотрела на него дольше, чем требовалось.

Когда-то ей казалось, что это место останется неизменным.

В девятнадцать лет она мечтала уехать отсюда как можно дальше. Город представлялся слишком маленьким, слишком знакомым. Здесь каждый знал, кто чей сын, у кого какая машина, кто с кем встречается и почему перестал здороваться.

Марине хотелось улиц, на которых её никто не узнает. Хотелось больших театров, выставок, художественных мастерских, незнакомых людей.

Теперь она возвращалась в город, где никто не ждал её приезда.

Эта мысль оказалась болезненнее, чем она предполагала.

Тётя Нина всегда знала, когда Марина должна приехать. Даже если та предупреждала в последний момент, на кухне непременно находился свежий пирог, а в одной из комнат лежало чистое бельё.

Нина Павловна не любила встречать гостей у ворот.

Говорила, что взрослый человек способен самостоятельно дойти до дома.

Но Марина почти всегда замечала её в окне.

Тётя стояла за занавеской, немного наклонив голову, и следила, как машина подъезжает к крыльцу.

Теперь в окне никого не будет.

Марина снова завела двигатель.

* * *

Центральная улица изменилась.

На месте старого кинотеатра открылся супермаркет. Здание почты покрасили в светло-жёлтый цвет, возле администрации появился небольшой сквер с новыми фонарями и аккуратно подстриженными кустами.

Однако булочная на углу сохранилась.

Марина узнала её по круглому окну возле входа.

Когда-то там продавали горячие булочки с маком. Они стоили совсем недорого, и Марина почти каждый день покупала две — себе и...

Она не закончила воспоминание.

Посмотрела на дорогу, пропуская женщину с детской коляской.

За долгие годы она научилась обращаться с прошлым довольно осторожно. Некоторые воспоминания можно было рассматривать спокойно: дом тёти, озеро, летние вечера. Другие лучше было не трогать.

Имя Андрея принадлежало ко вторым.

Не потому, что Марина все эти годы продолжала любить его.

Она давно перестала.

Была другая жизнь. Виктор, Соня, работа, заботы. Были годы, когда она вообще не вспоминала юношу, с которым когда-то собиралась уехать.

Но в памяти оставались отдельные места, связанные с ним.

Вот здесь они однажды прятались от дождя под навесом закрытого магазина. Андрей снял куртку, накинул ей на плечи, а сам стоял в тонкой рубашке и уверял, что ему совершенно не холодно.

А на соседней улице находилась маленькая библиотека, где Марина часто ждала его после работы.

Она проехала перекрёсток.

Библиотека исчезла.

На её месте стояло здание с большими зеркальными окнами.

Марина не стала останавливаться.

* * *

К гостинице вела дорога вдоль озера.

Последние дома постепенно остались позади. Справа появились заросшие кустарником участки, слева — старые дачи, большинство из которых уже закрыли на зиму.

Марина узнала поворот по двум высоким липам.

Когда-то между ними висела вывеска «Озёрный дом». Тётя Нина собственноручно обновляла на ней краску каждую весну и страшно сердилась, если кто-нибудь называл вывеску старомодной.

Теперь остался только один столб.

Второй лежал возле забора, наполовину скрытый мокрой листвой.

Марина свернула.

Колёса зашуршали по гравию.

За поворотом показался дом.

Она остановила машину.

Гостиница стояла на небольшом возвышении, окружённая старым садом. Двухэтажное здание с высокой крышей, деревянной верандой и узкими окнами казалось меньше, чем в памяти.

Краска на фасаде потемнела. Под крышей виднелись следы протечек, возле водосточной трубы штукатурка осыпалась. На одном из окон второго этажа вместо ставни был прибит лист фанеры.

Но дом оставался узнаваемым.

Марина смотрела на него через лобовое стекло.

Возле крыльца росла большая яблоня.

Она помнила, как в детстве забиралась на нижнюю ветку, хотя тётя запрещала. Однажды сорвалась, разодрала колено и пыталась скрыть кровь под длинной юбкой. Нина Павловна всё заметила, обработала рану и потом целую неделю напоминала, что яблоня предназначена для яблок, а не для девочек.

Теперь ветви дерева почти касались крыши.

Несколько сухих яблок ещё висели среди редких листьев.

Марина выключила двигатель.

В наступившей тишине стало слышно, как где-то возле дома стучит незакреплённая металлическая пластина.

Она вышла из машины.

Холодный воздух сразу пробрался под воротник пальто.

Пахло мокрой древесиной, землёй и озером.

Марина вдохнула глубже.

Этот запах оказался почти таким же, как в детстве.

* * *

Ключи ей передала Тамара Ивановна, соседка тёти Нины.

Та жила в небольшом доме через дорогу и, увидев подъехавшую машину, вышла навстречу, на ходу застёгивая тёплую кофту.

Марина узнала её не сразу.

Тамара Ивановна сильно постарела. Стала ниже ростом, полнее, волосы совсем побелели. Но глаза остались прежними — светлыми, внимательными, с привычкой чуть прищуриваться, когда она разговаривала.

— Мариночка?

— Здравствуйте, Тамара Ивановна.

Женщина обняла её неожиданно крепко.

От кофты пахло дымом и чем-то печёным.

— Господи, сколько же лет прошло. Совсем взрослая стала.

Марина невольно рассмеялась.

— Мне сорок три.

— Вот именно. А я тебя всё девчонкой помню.

Тамара Ивановна отступила, внимательно разглядывая её лицо.

— На отца похожа. Особенно глазами.

Марина опустила глаза.

Ей часто говорили об этом.

Она не знала, действительно ли похожа, но всякий раз радовалась.

Тамара Ивановна достала из кармана связку ключей.

— Нина всё держала в порядке до последнего. Даже когда уже тяжело было, никому ничего доверить не хотела.

Она протянула ключи Марине.

Самый большой был старым, латунным, с потемневшей головкой. На кольце висела маленькая металлическая пластинка с выбитой цифрой семь.

Марина помнила эту связку.

Тётя Нина почти всегда носила её в кармане передника. Когда шла по коридору, ключи негромко позвякивали, и по этому звуку можно было заранее понять, что хозяйка приближается.

— А что с ней случилось? — спросила Марина.

Тамара Ивановна опустила глаза.

— Сердце. Последние дни жаловалась на слабость, но к врачу ехать не хотела. Говорила, погода виновата.

Она вздохнула.

— В тот вечер ещё со мной разговаривала. Я ей суп принесла, а она ругалась, что я зря стараюсь.

Марина сжала ключи в ладони.

— Я не знала, что ей стало плохо.

— Да она никому не говорила.

Тамара Ивановна посмотрела на дом.

— Упрямая была. Ты же знаешь.

Марина кивнула.

Сейчас ей хотелось расспросить о последних днях тёти, узнать всё, что происходило перед смертью. Но она боялась услышать что-нибудь, что ещё сильнее увеличит её чувство вины.

Например, что Нина Павловна спрашивала о ней.

Или ждала звонка.

— На похоронах народу много было? — спросила Марина.

— Приходили. И соседи, и бывшие постояльцы. Из города даже приехали несколько человек. Нину здесь уважали.

Тамара Ивановна говорила спокойно, без нарочитого сочувствия.

Марина была ей благодарна.

— Ты пока устраивайся, — сказала соседка. — Я вечером зайду. Принесу чего-нибудь поесть.

— Не надо, у меня продукты есть.

— Всё равно зайду.

Она улыбнулась.

— Нина бы не простила, если бы я тебя голодной оставила.

И направилась к своему дому.

Марина осталась у крыльца.

Ключи холодили ладонь.

* * *

Дверь открылась с трудом.

Марина повернула ключ, потянула ручку, потом вспомнила, что дверь нужно слегка приподнять за край. Когда-то тётя Нина объясняла это каждому новому гостю и всякий раз обещала вызвать плотника.

Плотник, вероятно, так и не приехал.

Марина вошла.

В холле было холодно.

Пахло пылью, старой мебелью и чем-то едва уловимым, знакомым с детства. Возможно, воском для деревянных полов. Нина Павловна любила натирать им лестницу и сердито предупреждала детей, чтобы не бегали в носках.

Марина закрыла за собой дверь.

Некоторое время стояла неподвижно.

Холл почти не изменился.

Справа находилась стойка администратора — старый деревянный стол с потёртой столешницей. За ним висела доска для ключей с двенадцатью пронумерованными крючками.

Слева стояли два кресла, обитые выцветшей зелёной тканью. Между ними — низкий столик с царапиной на углу.

На стене висели часы.

Они не шли.

Стрелки остановились без четверти шесть.

Марина посмотрела на них и почувствовала неожиданное желание немедленно завести механизм.

Она подошла ближе.

Часы были старые, с круглым деревянным корпусом. Отец когда-то пытался их чинить, но Нина Павловна не позволила заменить механизм, потому что тот был «родной».

Марина осторожно коснулась стекла.

На пальце осталась пыль.

За спиной что-то скрипнуло.

Она обернулась.

Никого.

Вероятно, ветер шевелил незакрытую дверь где-нибудь наверху.

Марина подняла голову.

Лестница уходила на второй этаж, где было темно. Деревянные перила блестели от многолетних прикосновений. На стене сохранились фотографии озера в разные времена года.

Она медленно пошла по коридору.

Открыла дверь столовой.

Здесь было светлее.

Три больших окна выходили в сад. За ними виднелись голые деревья, мокрая дорожка и узкая полоска воды.

Столы стояли вдоль стен, накрытые простынями. Стулья были составлены один на другой. У дальней стены возвышался старый буфет, в котором раньше хранили чашки и большие стеклянные банки с вареньем.

Марина подошла к нему.

На верхней полке лежала стопка белых салфеток.

Она взяла одну.

Ткань была плотной, немного пожелтевшей от времени. В углу аккуратно вышиты две буквы: «Н. Б.».

Нина Белозёрова.

Марина провела пальцем по вышивке.

В памяти возникли тётины руки. Крупные, с короткими ногтями, всегда немного шершавые. Нина Павловна умела шить, но терпеть не могла этим заниматься. Говорила, что иголка — слишком мелкая вещь для взрослого человека.

И всё же салфетки вышивала сама.

Марина вспомнила, как однажды спросила почему.

Тётя тогда ответила:

— Чтобы никто не перепутал с чужими.

Марина разгладила салфетку между ладонями; на ткани ещё виднелись буквы, вышитые Ниной Павловной.

Она положила салфетку обратно.

* * *

На кухне обнаружилась старая эмалированная кастрюля с отколотой ручкой.

Она стояла на плите, перевёрнутая вверх дном. Рядом лежала деревянная ложка, потемневшая от времени.

Марина открыла шкаф.

На полках аккуратно стояли тарелки, чашки, небольшие банки со специями. На дверце висел листок бумаги, исписанный знакомым почерком.

«Не забыть: соль, лампочки, таблетки для посудомойки».

Ниже другой ручкой было добавлено:

«Позвонить электрику».

Марина долго смотрела на эту записку.

Она вдруг представила, как тётя Нина стояла здесь, возможно, совсем недавно, проверяла запасы, думала о лампочках и электрике.

Внизу, под перечнем, Нина Павловна оставила приписку: «Проверить свет у лестницы». Марина представила, как тётя торопилась, записывая это на кухне, и больше не смогла смотреть на бумажку.

Марина опустилась на табурет возле стола, не выпуская записку из рук.

Плач пришёл не сразу.

Сначала Марина просто смотрела на кухню, на старую кастрюлю, на листок бумаги, на крючок с полотенцем. Потом вспомнила августовский разговор, свою поспешность, обещание позвонить на следующей неделе.

И заплакала.

Без рыданий.

Слёзы текли по лицу, Марина вытирала их рукавом, злилась на себя за эту детскую беспомощность.

Она плакала не только по тёте Нине.

По отцу, которого всё ещё иногда хотелось позвать.

По прежней семье.

По женщине, которой была ещё месяц назад и которая не знала, сколько всего может измениться за несколько дней.

Ей казалось, что внутри накопилось слишком много потерь, каждая из которых требовала отдельного горя, а сил хватало только на одно.

Она просидела на кухне долго.

Потом достала из сумки бумажные салфетки, умылась холодной водой и открыла окно.

В комнату ворвался влажный воздух.

Где-то в саду каркнула ворона.

Марина постояла у раковины, глядя на тёмные ветви.

Постепенно ей стало легче.

Она закрыла окно, чтобы не застудить кухню, и осторожно сложила записку пополам.

Положить бумажку обратно на дверцу шкафа Марина не смогла: убрала в карман свитера.

* * *

Свой чемодан Марина отнесла в комнату на первом этаже.

Там раньше останавливались родственники Нины Павловны. Небольшая спальня с двумя окнами, старым платяным шкафом и кроватью под белым покрывалом.

В комнате было прохладно, но батарея постепенно нагревалась.

Марина проверила отопление, разложила вещи, повесила пальто на спинку стула.

Потом достала из сумки альбом и карандаши.

Положила их на стол возле окна.

Некоторое время смотрела на чистую обложку.

Ей хотелось рисовать.

Но сначала нужно было разобраться с домом.

Она прошлась по комнатам первого этажа.

В одной на потолке виднелось большое жёлтое пятно от протечки. В другой плохо закрывалось окно. Возле лестницы обои отошли от стены, а в длинном коридоре несколько половиц заметно прогибались под ногами.

Состояние гостиницы оказалось хуже, чем Марина ожидала.

И всё же она не почувствовала разочарования.

Скорее растерянность.

Ей было трудно представить, как можно привести такой дом в порядок.

Нина Павловна последние годы почти не принимала гостей. Доходов, вероятно, едва хватало на самое необходимое. Марина понимала, что восстановление потребует денег, времени и сил.

Но сейчас ей не хотелось думать об этом.

Она вышла на веранду.

* * *

Дверь на веранду открылась с протяжным скрипом.

Марина осторожно ступила на деревянные доски.

Под ногой что-то хрустнуло.

Она остановилась, посмотрела вниз.

Один край половицы потемнел от сырости.

Перила были холодными, местами краска полностью облупилась. Старое плетёное кресло стояло возле стены, накрытое брезентом.

Марина подошла к нему.

Сняла покрывало.

Кресло оказалось тем самым.

Широкое, немного перекошенное, с продавленным сиденьем. В детстве Марина любила забираться в него с ногами, хотя тётя Нина ругалась, что так мебель долго не прослужит.

Она осторожно коснулась подлокотника.

Лоза была сухой, местами потрескавшейся.

Сад за верандой зарос.

Дорожки почти исчезли под мокрой листвой. Старые яблони стояли с голыми ветвями. За ними виднелось озеро.

Марина сделала несколько шагов.

Вода была неподвижной, тяжёлой. Низкое небо отражалось в ней так точно, что дальний берег казался нарисованным углём.

Ветер поднял несколько сухих листьев.

Один прилип к краю её ботинка.

Марина наклонилась, сняла его и неожиданно вспомнила лето, когда ей исполнилось девятнадцать.

Тогда веранда была выкрашена светлой серо-зелёной краской. На столе стоял большой кувшин с лимонадом. В саду пахло нагретыми яблоками, а от озера доносились голоса купающихся детей.

Она сидела в этом кресле и ждала.

Не тётю.

Не гостей.

Андрея.

Он обещал прийти после работы.

Марина тогда весь день притворялась, что занята обычными делами. Помогала на кухне, рисовала, несколько раз ходила к озеру. Но всё время прислушивалась к дороге.

Когда наконец раздался звук мотоцикла, она вскочила так резко, что опрокинула стакан.

Тётя Нина только покачала головой.

— Вот ведь наказание, — сказала она. — Не парень, а стихийное бедствие.

Марина помнила собственный смех.

И то, как сердце вдруг начинало биться быстрее, стоило увидеть Андрея у ворот.

Теперь сад был пустым.

Мотоциклов на дороге не слышалось.

Марина стояла на веранде, чувствуя холод через подошвы ботинок, и думала, как странно устроена память.

Она не могла вспомнить, о чём они разговаривали в тот вечер.

Но помнила, что Андрей приехал в светлой рубашке с закатанными рукавами.

И что у него на щеке была небольшая царапина.

Она сама прикоснулась к ней пальцем и спросила, где он поранился.

Он ответил, что зацепился о ветку.

Марина тогда не поверила.

Ей казалось, что у Андрея всегда происходят какие-нибудь приключения.

Теперь она улыбнулась.

Не с прежней болью.

С тихим удивлением перед тем, как далеко от неё осталась та девятнадцатилетняя девушка.

* * *

К вечеру зашла Тамара Ивановна.

Принесла кастрюлю супа, хлеб, банку солёных огурцов и небольшую коробку с пирожками.

Марина пыталась отказаться, но соседка только махнула рукой.

— Не спорь. У тебя тут и плита толком не работает.

Они поужинали на кухне.

Тамара Ивановна рассказывала о последних годах Нины Павловны. О том, как трудно стало содержать гостиницу, как один за другим уезжали постоянные сотрудники, как зимой приходилось закрывать второй этаж.

Марина слушала, иногда задавала вопросы.

— А гости совсем перестали приезжать?

— Да нет. Летом были. И старые постоянные, и новые. Только Нина уже не могла всем заниматься.

Тамара Ивановна покачала головой.

— Она ведь помощи не любила просить.

Марина сразу вспомнила, как тётя Нина отказывалась от помощи, даже если приходилось тащить тяжёлую сумку через весь двор.

— Это я помню.

— А зря. Люди бы помогли.

Соседка помолчала.

— Она всё говорила, что дом после неё останется. Что жалко, если совсем пропадёт.

Марина посмотрела на окно.

В стекле отражалась кухня.

— Она не говорила, почему оставила его мне?

Тамара Ивановна удивилась.

— А кому ещё?

— Ну... не знаю. Можно было продать. Или кому-нибудь из дальних родственников.

Соседка отложила ложку.

— Она тебя любила.

Марина опустила глаза.

Эти слова почему-то смутили её.

Любовь Нины Павловны никогда не была особенно нежной. Тётя редко обнимала, не писала длинных писем, не произносила ласковых слов.

Она могла резко отчитать Марину за беспорядок, заставить переписывать испорченный рецепт или отправить собирать яблоки, когда хотелось купаться.

Но если Марина заболевала, тётя всю ночь заходила в комнату проверить температуру.

Если на следующий день предстояла поездка, вставала до рассвета, чтобы испечь пирог в дорогу.

И никогда не забывала, что Марина любила варенье из крыжовника больше любого другого.

— Она всё говорила, что ты у неё самая толковая, — продолжила Тамара Ивановна. — Что руки у тебя хорошие. И характер есть, хоть ты его и прячешь.

Марина подняла голову.

— Так и говорила?

— Ага. Ещё добавляла, что слишком много о других думаешь.

Тамара Ивановна улыбнулась.

Марина почувствовала, как к горлу подступает ком.

Она опустила взгляд на тарелку.

За окном темнело.

* * *

После ухода соседки Марина вымыла посуду.

Проверила двери, выключила лишний свет, поднялась на второй этаж и осторожно прошла по коридору.

Здесь было особенно холодно.

В нескольких комнатах мебель стояла под простынями. На стенах виднелись следы старых протечек, возле одного окна подставили металлическое ведро.

Марина заглянула в комнату номер семь.

Она помнила её лучше остальных.

Летом здесь часто останавливалась пожилая супружеская пара из Москвы. Мужчина каждое утро выходил на балкон с газетой, а жена долго расчёсывала седые волосы перед зеркалом.

Они приезжали несколько лет подряд.

Однажды Марина спросила тётю Нину, почему эти люди каждый год выбирают одну и ту же комнату.

Тётя ответила:

— Потому что им здесь хорошо.

Тогда Марина не поняла, зачем взрослым людям возвращаться в одно и то же место, когда в мире столько других городов и стран.

Теперь понимала немного лучше.

Она закрыла дверь.

В дальнем конце коридора находилась комната, которую когда-то занимала сама.

Марина подошла к ней.

Ручка была холодной.

Внутри почти ничего не изменилось.

У окна стояла узкая кровать, возле стены — письменный стол с потёртой столешницей. Над ним висела небольшая полка для книг.

Марина вошла.

На подоконнике лежал сухой лист.

Возможно, его занесло ветром через неплотно закрытую раму.

Она взяла лист и посмотрела на стол.

Здесь когда-то лежали её рисунки.

Здесь она писала письма.

Здесь впервые представляла себе жизнь, которая начнётся после отъезда.

Марина осторожно провела ладонью по столешнице.

Под пальцами обнаружилась неглубокая царапина.

Она наклонилась.

На дереве были вырезаны две буквы.

«М» и «А».

Между ними — маленькая неровная звёздочка.

Марина вспомнила.

Однажды Андрей сидел за этим столом и пытался починить её сломанный карандаш. Нож оказался слишком острым, он задел деревянную поверхность, а потом, смеясь, сказал, что теперь придётся оставить здесь памятный знак.

Она возмущалась.

Боялась, что тётя заметит.

Андрей уверял, что никогда в жизни не видел царапины, которая могла бы разрушить семейные отношения.

Марина тогда смеялась так сильно, что не могла говорить.

Теперь она стояла возле старого стола и смотрела на две буквы.

Двадцать четыре года.

Столько времени прошло с тех пор.

Она вышла из комнаты и тихо закрыла дверь.

* * *

Внизу зазвонил телефон.

Марина спустилась по лестнице, стараясь не наступать на скрипучие ступени.

Звонила Соня.

— Мам, ну как ты?

— Доехала.

— Я поняла. Ты же писала. Как дом?

Марина посмотрела вокруг.

На потемневшие стены, старые часы, широкую лестницу.

— Старый.

— Это я знаю.

Она улыбнулась.

— Очень старый. И ремонта много.

— Но красивый?

Марина подошла к окну.

За стеклом темнел сад.

— Красивый.

Соня помолчала.

— А тётю Нину вспоминала?

Марина провела ладонью по подоконнику.

— Весь день.

Дочь вздохнула.

— Я всё думаю про её книгу. Которую она обещала.

— Найду, привезу тебе.

— Мам, не обязательно. Я просто вспомнила.

Марина кивнула, хотя дочь не могла этого видеть.

Они поговорили ещё немного.

Соня рассказала о занятиях, о том, что Алиса наконец переехала, о новом преподавателе, которого все боялись, хотя он оказался вполне добрым человеком.

Марина слушала, глядя на тёмные окна.

Ей было приятно слышать голос дочери.

Она слушала дочь, сидя у тёмного окна, и не считала мысленно дни до обратной дороги.

* * *

Спать Марина легла около одиннадцати.

Комната постепенно нагрелась, но под одеялом всё равно было прохладно. Она надела шерстяные носки, которые взяла на всякий случай, и долго лежала, прислушиваясь к дому.

Старые здания никогда не бывают совершенно тихими.

Где-то потрескивало дерево. В трубах негромко шумела вода. Иногда ветер касался оконных рам, и стекло отвечало едва слышным дребезжанием.

Марина помнила эти звуки.

В детстве они казались ей таинственными, но не страшными. Нина Павловна говорила, что дом разговаривает сам с собой, когда все ложатся спать.

Марина улыбнулась в темноте.

Сегодня дом действительно словно вспоминал что-то своё.

Она повернулась на бок.

Перед глазами возникли старые комнаты, пустая столовая, веранда с потрескавшимися перилами.

Сколько всего здесь придётся сделать.

Проверить крышу, отопление, окна. Разобраться с документами. Решить, продавать гостиницу или пытаться восстановить.

Марина закрыла глаза.

Ей хотелось поговорить с тётей Ниной.

Спросить, что та сама собиралась делать с домом.

Узнать, жалела ли о чём-нибудь.

И почему всё-таки решила оставить гостиницу именно ей.

Но тётя уже не могла ответить.

Марина лежала в темноте, чувствуя, как постепенно проходит дорожная усталость.

И вдруг вспомнила слова Тамары Ивановны:

«Руки у тебя хорошие. И характер есть, хоть ты его и прячешь».

Она улыбнулась.

Возможно, тётя знала её лучше, чем Марина думала.

* * *

Утром её разбудил стук.

Сначала Марина решила, что это ветер.

Потом услышала голоса возле дома.

Она посмотрела на часы.

Без четверти девять.

За окном было пасмурно. На стекле собрались мелкие капли влаги, сад казался размытым, словно его рассматривали сквозь тонкую ткань.

Марина накинула кардиган и подошла к окну.

Возле крыльца стоял тёмный автомобиль.

Рядом — мужчина в короткой куртке. Он разговаривал по телефону, держа свободную руку в кармане.

Марина не сразу рассмотрела его лицо.

Мужчина повернулся.

И она узнала.

Не по одежде.

Не по причёске — волосы посветлели у висков от седины, а сама стрижка теперь была короткой и аккуратной.

Она узнала его по тому, как он стоял.

Немного подавшись вперёд, словно даже во время телефонного разговора собирался куда-то идти.

Андрей.

Марина замерла.

Двадцать четыре года назад она знала каждое его движение.

Как он поворачивал голову, когда слышал своё имя. Как поправлял рукава рубашки. Как смеялся, слегка запрокидывая голову.

Теперь перед домом стоял взрослый мужчина.

Незнакомый.

И всё же достаточно было одного взгляда, чтобы Марина почувствовала, как прошлое на мгновение приблизилось к настоящему.

Она отступила от окна.

Сердце билось неожиданно быстро.

Марина рассердилась на себя.

Ей было сорок три года.

Она приехала разбираться с наследством, а не вспоминать девичьи переживания.

К тому же Андрей мог просто оказаться здесь по делу.

Город маленький.

Он, вероятно, давно женился, вырастил детей, построил собственную жизнь.

Она не знала о нём почти ничего.

Марина подошла к зеркалу.

Волосы после сна выбились из узла. На щеке отпечаталась складка наволочки.

Она посмотрела на себя и неожиданно вспомнила, как в девятнадцать лет могла по полчаса выбирать платье, если знала, что увидит Андрея.

Тогда ей казалось, что от цвета платья зависит многое.

Сейчас Марина просто умылась, собрала волосы и надела джинсы с мягким светлым свитером.

Вышла из комнаты.

В холле было прохладно.

Марина открыла дверь.

Андрей стоял у крыльца, рассматривая потемневшую деревянную балку под навесом.

Услышав звук, он обернулся.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Марина заметила морщины возле его глаз, седину на висках, немного изменившиеся черты лица.

Но глаза остались прежними.

Серыми, внимательными.

Андрей первым нарушил молчание.

— Здравствуй, Марина.

Она почувствовала, как странно звучит её имя в его голосе.

Не «Маришка», как когда-то.

Просто Марина.

— Здравствуй, Андрей.

Он слегка улыбнулся.

Не широко, не смущённо.

Так улыбаются человеку, которого неожиданно встретили после очень долгого отсутствия и ещё не знают, что следует сказать.

— Тамара Ивановна сказала, что ты приехала.

Марина кивнула.

— Вчера.

— Я слышал про Нину Павловну. Соболезную.

— Спасибо.

Они замолчали.

Ветер шевелил голые ветви яблони.

Марина вдруг подумала, что двадцать четыре года назад представляла себе возможную встречу совершенно иначе.

Иногда воображала, что Андрей станет объясняться. Иногда — что она сама скажет ему всё, чего не сказала тогда.

Но сейчас перед ней стоял мужчина в тёмной куртке, с усталым взрослым лицом, и говорить о прошлом казалось почти неприличным.

— Ты здесь по делу? — спросила она.

Андрей посмотрел на крышу.

— Да. Тамара Ивановна попросила взглянуть на водосток. Говорит, после дождей вода пошла по стене.

Марина невольно улыбнулась.

Конечно.

Встреча, к которой когда-то мысленно готовились целые годы, произошла из-за неисправного водостока.

Андрей заметил её улыбку.

— Что?

— Ничего. Просто... очень подходящий повод.

Он посмотрел на неё внимательнее.

На мгновение в его глазах мелькнуло что-то знакомое.

Возможно, он тоже вспомнил, как когда-то они могли смеяться над самыми незначительными вещами.

Но Андрей ничего не сказал.

Только указал на потемневшую стену.

— Здесь, похоже, придётся менять часть креплений. Если оставить до весны, будет хуже.

Марина подняла голову.

Водосточная труба действительно отошла от стены, а под карнизом темнела влажная полоса.

Она посмотрела на Андрея.

— Ты всё ещё любишь чинить чужие дома?

Он улыбнулся.

На этот раз по-настоящему.

— Теперь мне за это платят.

Марина рассмеялась.

И неожиданно услышала в собственном смехе ту девушку, которой давно уже не была.

Андрей тоже рассмеялся.

Но затем его взгляд стал серьёзнее.

Он посмотрел на неё так, слов

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.